

Своя

май 2018

журнал
Никиты Михалкова

ЗАЩИТНИК ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Святой Егорий:
врагам — гроза,
крестьянам — друг

ФОТО: РИА НОВОСТИ

В. КАНДИНСКИЙ. «САДНИК ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ». 1914–1915

По вождю и шапка

Владимир
Мономах — правитель,
ставший легендой

«Споём о боях, о старых друзьях...»

Никита Богословский
и его шедевры

В начале был интеллектор

Как омский умелец
Стива Джобса обошел

МОСКОВСКАЯ ВЕСНА А САРРЕЛЛА

С 27 апреля по 9 мая во второй раз пройдет международный фестиваль «Московская весна а саррелла». В съезде певческих талантов примут участие, как ожидается, представители полутора десятков стран: России, США, Великобритании, Германии, Австрии, Италии, Франции, Дании, Венгрии, Латвии, Израиля, Казахстана, Китая, Кореи, Индии. Главное событие многодневного форума — учрежденный правительством Москвы Открытый музыкальный конкурс акапельного пения. Солисты и вокальные коллективы

выступят на фестивальных площадках перед миллионами москвичей и гостей Белокаменной. Как обещают организаторы, столица превратится в эти дни в огромную праздничную сцену. В программе — концерты, театрализованные представления, мастер-классы по пению и музыке, открытые тренировки и многое другое. Участие во всех мероприятиях и посещение концертов — бесплатное. В прошлом году зрителями смотра стали порядка четырех миллионов человек.

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя Послушайте сейчас	30–33	Живая история На своей волне Почему День радио отмечается 7 мая
3–7	Ретроспектива По вождю и шапка	34–37	Люди и вещи В начале был интеллектор
8–11	Символ веры Защитник земли русской	38–41	Стоп-кадр Георгиевские ленты Вспоминая Георгия Буркова
12–15	Имена и даты	42–47	Великие реалисты Хорошее отношение к собакам и лошадям Чем прославился художник Алексей Степанов
16–19	Корневая система Не стоит нарушать границы Кто и как охраняет наши рубежи	48	Трапезная Караси по Чехову
20–23	Литфонд Недаром в этом мире жил Две молодости Николая Заболоцкого		
24–25	Книжная палата		
26–29	Родная лира «Споём о боях, о старых друзьях...»		

Председатель редакционной коллегии: Елена Ямпольская

Шеф-редакторы: Ксения Позднякова, Наталья Семина. **Ответственный секретарь:** Сергей Громов

Отдел распространения: +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (495) 622-7222

«СВОИ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

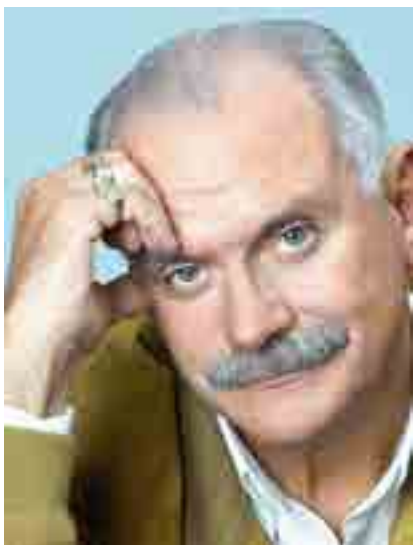
Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в соответствии с представленными материалами в ООО «Парето-Принт», Тверская область, Калининский район, Бурашевское сельское поселение. Торгово-промышленная зона Боровлево-1, 3А. Тверь 170546, www.pareto-print.ru

Номер заказа: 3397/18

Тираж 40 155

Подписано в печать 16 апреля 2018 г.

Послушайте сейчас

7 мая в Большом Кремлевском дворце пройдет церемония вступления в должность президента России. Все последние недели, начиная со дня все-народных выборов, меня довольно часто спрашивают: чего нам ждать от нового срока Владимира Путина? Я, конечно же, высказывал на сей счет какие-то мысли, пожелания (например, говорил о том, что Владимиру Владимировичу надо бы привлечь в свою команду побольше талантливых людей из провинции), но всегда подчеркивал: не пристало мне отнимать хлеб у профессиональных политологов и делать пустые прогнозы.

На мой взгляд, правильнее обратиться к недавнему историческому прошлому, определить ключевые моменты, повлиявшие на судьбу страны и сказавшиеся на ее жизни в будущем. Порой открываются поразительные эпизоды и обстоятельства, а картина мира начинает представляться несколько иной, нежели прежде.

В августе 1984-го при подготовке к своему традиционному субботнему радиообращению президент США, бывший актер Рональд Рейган проверяет микрофон и, видимо, желая потешить окружающих, по-голливудски шутит: «Мои соотечественники американцы, я рад сообщить вам сегодня, что подписал указ об объявлении России вне закона на вечные времена. Бомбардировка начнется через пять минут». Смешно, не правда ли? А уже через три с небольшим года генсек ЦК КПСС Михаил Горбачев и тот самый артист-шутник подписывают в Вашингтоне Договор о ликвидации ракет средней и малой дальности. Началось чудовищное обескровливание оборонной мощи страны. Советский Союз незамедлительно уничтожает огромное количество уникального оружия, в том числе перспективные ракетные комплексы, которые могли бы обеспечивать безопасность нашего государства еще много лет. В то же время «реформаторы» во власти внушают согражданам мысль о том, что на оборону страны тратятся немыслимые деньги и давно пора эти расходы значительно урезать.

В итоге под нож пошло все, что составляло величие СССР. К примеру, наиболее высокотехнологичные предприятия оборонного комплекса скупались за бесценок иностранными и доморощенными дельцами, а после закрывались. Красивые, мощные, грозные боевые корабли ВМФ распродавались по ценам не самых дорогих импортных авто.

Эти процессы остановил тот, кого мы недавно вновь выбрали своим президентом. Он всегда понимал причины краха СССР и первым делом, прекратив парад суверенитетов, стал реанимировать отечественную оборону, укреплять и модернизировать российскую армию.

Выступая с ежегодным Посланием Федеральному собранию, Владимир Путин произнес слова, которые лично я воспринял как сигнал об окончании первого, самого трудного этапа в деле возрождения нашей великой страны: «Несмотря на все проблемы, с которыми мы сталкивались... Россия оставалась и остается крупнейшей ядерной державой. Нет, с нами никто по существу не хотел разговаривать, нас никто не слушал. ПОСЛУШАЙТЕ СЕЙЧАС».

За два дня до праздника Великой Победы мы услышим еще одну его речь — инаугурационную. И это выступление, уверен, даст ответы на многие вопросы.

По вождю и шапка

Его имя в отечественной истории стало символом мудрости и решительности. Он приостановил кровавую распрю князей, положил конец половецкой угрозе, адресовал своим современникам и потомкам чрезвычайно ценные, исполненные главных христианских добродетелей наставления. Когда империя наследников Чингисхана разоряла нашу страну, летописцы вспоминали об этом великом правителе и, несмотря ни на что, верили: Русь непременно возродится.

Автор «Слова о погибели Русской земли», как видно, с затаенной надеждой на лучшее буду-

щее, писал: «Половцы своих малых детей его именем пугали. А литовцы из болот своих на свет не показывались, а венгры укрепляли каменные стены своих городов железными воротами, чтобы их великий Владимир не покорил, а немцы радовались, что они далеко — за синим морем».

Основные памятные даты, связанные с жизнью и деятельностью Владимира Мономаха, приходится на последний весенний месяц: 965 лет назад он родился, через 60 лет вступил на Киевский великокняжеский престол, а спустя еще 12 лет покинул сей мир.

Евгений Алдонин

Бремя раздробленности

В летописях за ним закрепился образ идеального правителя, образцового христианина: «Украшенный добрым нравом, славный победами, он не возносился, не величался». Для многих поколений русских людей Владимир Мономах был примером воинской доблести и политической прозорливости.

Первую победу над половцами князь одержал в юном возрасте, а в последний раз вел рать соплеменников, когда ему было за семьдесят. По тем временам — глубокий старик. Однако он по-прежнему прямо сидел в седле и, если требовалось, размашистым движением доставал меч из ножен. Внук Ярослава Мудрого, а по материнской линии — византийского императора Константина Мономаха — к киевскому престолу он шел очень долго.

Его политическая молодость проходила на берегу озера Неро, в Ростове Великом. Там Владимир правил еще будучи юношей. Потом отец, Всеволод Ярославич, занял Киевский престол, и 25-летний сын получил в княжение Чернигов, один из самых крупных городов страны, древний племенной центр славян-северян.

После смерти родителя он принял одно из важнейших решений в своей жизни — отказался от борьбы за Киев: «Если сяду на столе своего, то буду воевать со Святополком, так как стол этот был его отца». Владимир Всеволодович предпочел накапливать силы, не раздирая Русь братоубийственными войнами. Его собственная власть простиралась довольно далеко — до Смоленска и Ростова. Правда, за Чернигов приходилось бороться, междоусобная брань не прекращалась.

Потом Мономах долго княжил в Переяславле, пережившем при нем период расцвета. Монолитной и сплоченной Киевской Руси в то время уже не существовало. Род Рюриковичей не выпускал из рук власть над уделами, однако мира-лада между представителями династии не

было. Сложная система наследования превращала родственников в злейших врагов. Историки находят у раздробленности и положительные стороны: в каждом небольшом городе владетель-князь сколачивал дружину, учреждал администрацию, строил каменный храм и укрепления.

Поселения по отдельности развивались, чего не скажешь о расколотовой стране. Ее правители не только не могли предпринимать масштабных, дальних походов, но и демонстрировали уязвимость собственных владений перед наплывом кочевников. Некогда Владимир Креститель полагал, что христианская церковь сумеет объединить огромное государство. Увы, эти надежды не оправдались. Даже для борьбы с агрессорами-иноверцами не удавалось примирить честолюбивых князей. Киевский престол постепенно утрачивал первостепенное значение, хотя за него по-прежнему ожесточенно боролись.

Как съезд решил

Черниговское и Переяславское княжества граничили с половецкими кочевьями, и Мономах стал грозой воинственных орд. Чтобы побеждать, следовало научиться

заключать союзы с другими властью имущими. Владимир проявил себя как цепкий дипломат задолго до того, как получил престол в Киеве. Он подал идею княжеских съездов. Родичи прекращали вражду, собирались для переговоров. Зачинщиков кровопролитных распрей наказывали (как правило, переводили править в менее важный город). Съезжаясь, Рюриковичи обсуждали национальную политику, планировали совместные походы против половцев. Но каждый раз после такого «саммита» в Киев приезжали половецкие послы с дарами, и Святополк отказывался от участия в общем деле.

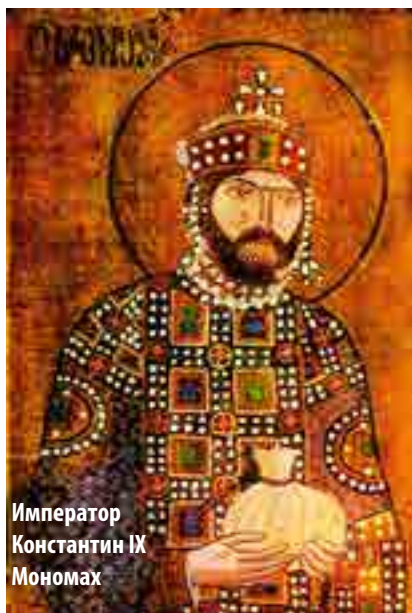
Лишь один Мономах оставался непоколебимым, требовал: нужно отучить кочевников нападать на наши земли. В 1103 году, после очередного грабительского набега, завершившегося уводом в степь тысяч невольников, русские военачальники съехались к Долобскому озеру, где договорились наконец о совместном выступлении против недругов.

Владимир Всеволодович настаивал на немедленном весеннем походе, пока половцы еще не вышли на летние пастбища, не накоормили вволю своих коней. Все князья, кроме Олега Черниговского (тот

был в сговоре с неприятелем), поддержали идею Мономаха, и по весне многотысячная дружина двинулась на юго-восток. Первыми шли летучие отряды разведчиков. За ними — основная конница и пехота. Киевский правитель Святополк Изяславович доверился военному опыту родственника-инициатора и не прогадал.

Решающая битва произошла 4 апреля близ урочища Сутень, неподалеку от Азовского побережья. На стороне врага сражались двадцать ханов с отборной конницей. Летописец отмечал: «И двинулись полки половецкие как лес, конца им не было видно. И Русь пошла им навстречу». Расчет Мономаха оправдался: на истомленных долгой зимой конях кочевники не сумели стремительно атаковать. Наши дружины вклинились в половецкую орду и рассеяли конников противника. Больше десятка ханов погибли, а высокородный Белдюзь попал в плен. Он посулил за свою свободу огромный выкуп. Владимир в ответ резонно заметил: пленник всего лишь обещает вернуть награбленное. И приказал — в назидание другим — Белдюзя зарубить.

Русские прошли по половецким селениям, освобождая невольни-

Император
Константин IX
Мономах

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Шапка Мономаха

ков. Домой вернулись с богатой добычей, отогнали к родным полям табуны коней, стада коров. Эта победа запомнилась степнякам надолго. Они присмирели, уже не претендовали на дань, стремились к союзу с северными соседями. И на Руси очень многие поняли, что значит единство. Если бы не тот ратный успех — возможно, половцы сыграли бы в нашей истории самую роковую роль. В 1237 году, когда на Рязань и Владимир двинулись тумены Батые, у нас, увы, не нашлось нового Мономаха.

«Страх Божий имейте превыше всего»

На великокняжеский престол его призвали во время острейшего политического кризиса, суть которого легко понять и в XXI столетии. В Киеве царили ростовщики, бравшие с заемщиков грабительский процент. Управы на этих воротил не было — им покровительствовал Святополк. Про него Василий Татищев в свое время писал: «Был вельми сребролюбив и скуп». Сотни семей разорились от такой финансовой удавки. Когда правитель то ли умер, то ли погиб, началось народное восстание против чиновников и ростовщиков. Тут-то бояре и позвали самого мудрого и удачливого из Рюриковичей. И шестидесятилетнему политику удалось на полтора десятилетия возродить Киевскую Русь. Первым делом он приказал снизить в десять раз долговой

процент. Восстание утихло, а удельные князья быстро почувствовали сильную руку «первого среди равных». В большой стране воцарился порядок.

Мономах слыл книголюбом. Эту страсть он унаследовал от отца. Хитроумный князь лучше других родичей понимал значение культуры, просвещения и... пропаганды. Покровительствовал летописцам, учителям, проповедникам. И, скорее всего, вместе с ними создавал собственный образ для истории. Как истинный стратег, он не жил одним днем. Репутация, которая останется в веках, была важнее кратковременного успеха, ветреной удачи и богатой добычи. Его политический стиль — это крепкая рука, просвещенный ум, патриотический настрой — все то, чего не хватало другим князьям того времени.

Мудрец на троне, он оставил нам свое «Поучение» — свод текстов, выдающих тонкого знатока человеческой природы, психолога и философа: «Ажи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолудин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком — то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека

по всем землям, или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте ей власти над собой. А вот вам и основа всему: страх Божий имейте превыше всего».

Учил не только воинским доблестям и политическим премудростям. Победы приходят к тем, кто во главу угла ставит дисциплину: «На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености: внезапно ведь человек погибает».

Умеренность в страхах позволила ему и на седьмом десятке не выпускать из рук державу. Полвека он провел в походах, в броне, с обоюдоострым мечом в руке. Давно умерли воеводы, которые были его соратниками в первых сражениях, а он оставался в седле.

На склоне лет принял участие в странной войне, развязанной авантюристом, выдававшим себя за сына византийского императора Романа IV, Льва Диогена (давно убитого). В истории он остался как Лжедиоген Второй. Великий князь увидел в подобных обстоятельствах шанс укрепить авторитет Руси, выдал за самозванца дочь Марию, собрал большое войско и направил его завоевывать

царьградский престол для зятя. К этой армии примкнули и половцы — сказались дипломатические усилия Мономаха. Отряды двинулись на Дунай и быстро захватили часть Болгарии, угрожая Константинополю. Заняли и город Доростол. Там Лжедиогена настигли убийцы, подсланные императором Алексеем. Владимир Всеволодович остался без выгодного зятя.

Но война на этом не закончилась. Теперь русские и половцы хотели посадить на греческий престол сына самозванца, Василия.

Сам Владимир остался в Киеве, а ратью командовал воевода Иван Войтишич. Князь наказал ему ставить посадников в занятых городах. И тем не менее поход вскоре захлебнулся. Мономах начал вести переговоры с византийцами. А последние убедились: русский правитель обладает мощной армией и умеет вести самостоятельную политику.

Сохранилась легенда, что после заключения мира ромей послали в Киев великое посольство с дарами, среди которых переливались золотом скипетр и царский венец. Последний с тех пор традиционно величают на Руси шапкой Мономаха. Но это вымысел. Мономаховой ее впервые назвали в начале XVI века. Сим подчеркивали свое родство с непобедимым пра-

«Золотые ворота» Киева

вителим великие князья и государи московские. Зато явью была дипломатическая победа. После переговоров внука Владимира Всеволодовича Доброддея (в крещении — Евпраксия) стала женой византийского императора Алексея. Говорят, она с юности увлекалась врачеванием, разбиралась в лечебных травах и даже написала в Византии целый трактат о медицинских мазях. В общем, даже странная война добавила Мономаху славы.

В те времена на Руси уважали благородную старость, и подданные считали седобородого князя почти божеством. Все привыкли к его победам, мудрой рассудительности. Лишь одно оказалось ему не по силам: он не сумел изменить систему власти в стране. Почти построил мощное, единое государство, способное навязать свою волю агрессивным соседям, но... Предпосылки к новым междоусобицам не исчезли. Оказалось, что кратковременное возрождение Киевской Руси держалось лишь стараниями даровитого князя. Каждый потомок Рюрика стремился к никем не ограниченной власти. Идея единой русской земли брезжила только в сознании самых дальновидных и просвещенных.

Защитник земли русской

Валерий Шамбаров

Кого из святых праведников чаще всего вспоминают русские люди, когда сталкиваются с серьезными проблемами, опасностями или просто заходят в храм — помолиться, поставить свечи? Николая Угодника и Георгия Победоносца. 6 мая в честь одного из них отмечается праздник — Егорьев день.

ЕГО ЖИТИЕ популярно, а судьба хорошо известна. Он был сыном очень знатных родителей. Отец, военачальник в чине стратилата, принял за Христа мученический венец. Овдовевшая мать владела богатыми поместьями в Палестине. Туда же увезла ребенка, воспитывала в строгой и возвышенной христианской вере. Повзрослев, Георгий унаследовал огромное состояние, поступил в римскую армию. Как участник сражений отличился доблестью и командирскими талантами. Был замечен императором Диоклетианом — приближен, возведен в звание комита.

Этого правителя, к несчастью его сограждан, обуял замысел возродить разлагавшуюся Римскую империю на основе древних, языческих традиций. Христианство он считал помехой для осуществления своих планов, в 303–304 годы развернул гонения на тех, кто молился Спасителю. Издал 4 эдикта. Согласно первому из них Христова вера запрещалась, храмы разрушались. Второй предписывал арестовать священников. Посредством третьего их вынуждали принести жертву языческим богам. Четвертый распространил — под страхом смерти — данное требование на всех христиан. По городам покатила кровавая вакханалия.

Георгий распродал имущество, раздал деньги нищим, освободил невольников, а сам явился к императору и объявил: «Я раб Христа, Бога моего, и, уповая на Него, предстал среди вас по своей воле, чтобы свидетельствовать об Истине». Один придворный повторил вопрос Пилата: «Что есть истина?» Будущий святой ответил твердо: «Истина есть Сам Христос, гонимый вами».

Диоклетиан был ошеломлен, он успел полюбить молодого военачальника. Даруя ему шанс сохранить жизнь, предложил принести языческую жертву. Георгий отказался. В течение 7 дней его подвергали чудовищным пыткам, от которых несчастный должен был неминуемо погибнуть. Но он держался так, словно не чувствовал боли. Страшные раны чудесным образом заживали. Видя это, палачи, стражники, сановники поражались и принимали христианство. Император выходил из себя, приказывал тут же казнить обратившихся. Но и сам удивлялся не меньше, спрашивал узника, каким, дескать, колдовством он овладел?

Воин объяснял чудеса всемогуществом Господа. Деспот хотел поймать его на слове и посрамить — потребовал оживить мертвого. Вера св. Георгия была настолько велика, что Бог услышал его мольбы и сотворил чудо воскрешения. После этого уверовали очень многие, потянулись тайком к темнице мученика и по его молитвам получали помощь в болезнях и разных бедах. В ночь перед восьмым днем испытаний ему явился Христос. Обнял, поцеловал, возложил на него венец и ободрил: «Не бойся, но дерзай и сподобишься царствовать со Мною».

СВ. ГЕОРГИЙ ПОВЕДОНОСЕЦ. ИКОНА. XI В. ИЗ УСПЕНСКОГО СОВОРА МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Серебряный ковчег с десницей св. Георгия Победоносца, привезенный со святой горы Афон

ФОТО: МАКСИМ НИКИТИН/ТАСС

Император извелся, видя тщетность всех своих усилий и расчетов. Придумал последнее средство: стал соблазнять Георгия местом соправителя. А тот взял да и предложил ему пойти... в капище Аполлона. Диоклетиан обрадовался, возомнил, что достиг желаемого.

В языческой молельне воин прилюдно обратился к идолу: «Ты ли хочешь принять от меня жертву как Бог?» К ужасу собравшихся, злой дух в статуе заговорил — признался, что он не кто иной, как один из падших ангелов, прельщающих людей. В продолжение «диалога» св. Георгий спросил: разве они, истуканы, смеют оставаться здесь, если пришел слугитель Истинного Бога? Статуи с шумом начали падать, поднялась суматоха. Даже императрица Александра бросилась к страсто-терпцу, взывая ко Христу. Другие, напротив, разъярились, а римский правитель велел немедленно казнить обоих.

Это событие обернулось крахом всего язычества. Растекалась молва о происшедшем, колебавшиеся и далекие от веры обращались в христианство. Диоклетиан через два года отрекся от власти. А еще через 7 лет св. равноапостольный Константин под знаменем Креста одолел всех своих противников, идолы стали падать по всей Римской империи.

Зафиксировано много посмертных чудес св. Георгия. Самое известное описано примерно так. В одном из городов Ливана выползал из озера страшный змей, разорявший страну. Жители-язычники решились ублажать его, выбирали по жребию и оставляли всякий раз на берегу очередную жертву. Когда эта участь выпала царской дочери и она уже ждала своей гибели, явился величественный всадник. С крестным знаменем и призывом к Спасителю он ринулся в схватку и поразил змия копьем. В результате в Христову веру перешло все местное население.

Участники костюмированного шествия в честь дня Георгия Победоносца в рамках фестиваля «Московская весна»

ФОТО: ЕВГЕНИЯ НОВОЖЕНИНА/РИА НОВОСТИ

Эпизод с драконом стал наиболее наглядным и образным (в эпоху распространения христианства для людей, ничего не ведавших о новом учении, подобные чудеса были особенно важны). Главный же подвиг иной: всецело отдавшись воле Создателя, он победил слабость человеческого естества, собственные страдания, отверг без колебаний все соблазны и искушения. И тем самым получил необоримую силу, позволившую ему одолеть и своих мучителей, и всякую нечисть, и даже саму смерть. Эту высочайшую победу святой завоевал, чтобы делиться ею с другими людьми.

Когда ратники воодушевлялись именем Христа — получали через св. Георгия помощь свыше. В качестве покровителя воинов его почитали и в Западной Европе, и в Византии, и даже на мусульманском Востоке (арабы долгое время относились к христианству весьма уважительно). Особенно широко его культ распространился в Грузии, которую называли «страной Георгия». На Руси такое почитание утвердилось сразу же после Крещения, что вполне закономерно: сражаться с иноверцами, нападавшими на нашу землю, приходилось часто, а св. Георгий предстал как небесный шеф ее защитников.

Точно не известно, с какого времени изображения Победоносца, пронзающего копьем змия, пополнили собой героическую симво-

лику Отечества. Самые ранние из икон известны с конца XI века. Имя Георгий (на Руси произносили — Гюргий или Юрий) было нередким среди властителей. Его носили первый великий князь Московский Юрий Данилович, святой князь-мученик Юрий Всеволодович (пытался защитить страну от нашествия Батыея и героически пал на Сити), основатель Москвы Юрий Долгорукий... В крещении имя Георгия принял св. благоверный князь Ярослав Мудрый. Построив в Киеве первый храм и монастырь в честь своего покровителя, он даже учредил новый православный праздник, зимний Юрьев день.

Ну а змий в нашей традиции некогда символизировал Орду, угрозу со стороны степняков — на ханских знаменах изображали драконов, позаимствованных в Китае. Св. Георгий Победоносец, напротив, издавна воспринимается как небесный помощник Руси в борьбе за независимость. Образ прочно закрепился в геральдике Москвы, которая в свое время раз и навсегда возглавила эту борьбу. После женитьбы Ивана III на Софье Палеолог замечательный символ соединился на царской печати с византийским двуглавым орлом.

В народе испокон веков почитали и «мирного» св. Георгия (примечательно, что в переводе с греческого имя означает «земледелец», «землепашец»). Особенно ярко это про-

Знаки отличия военного ордена Св. Георгия

ФОТО: АЛЕКСЕЙ БОЙЦОВ/РИА НОВОСТИ

являлось в день Егория вешнего. Православные празднества некогда органично соединились с дохристианскими ритуалами, посвященными весне — уже не робкой, не наступающей, а пришедшей во всей красе и полной силе.

Егорий Храбрый в народном сознании вобрал в себя черты языческих «светлых божеств» Даждь-бога, Хорса, побеждавших злое начало. Говорили, что Господь в этот день дает св. Георгию заветные ключи, и ими он отмыкает землю, выпускает в мир животворящие силы. Как раз в начале мая по утрам на траве появляется обильная влага: на Руси верили, что «юрьева роса» наполнена весенней энергией, она особенная, целебная. Ее собирали, ею обрызгивались, умывались, предохраняясь от болезней.

На Егория вешнего впервые выгоняли на пастбище скот, окропив его «юрьевою росой» и нахлестывая веточкой вербы, освященной в Вербное Воскресенье. Св. Георгий почитался как покровитель домашних животных, прежде всего коней. Он оберегал их от случайных бед и напастей, отгонял хищников (иногда святого называли даже «волчьим пастырем»). Егорьев день считался «профессиональным праздником» пастухов, которых угощали всей деревенской общиной (и обливали водой, чтобы не засыпали на работе, зорко следили за стадами). В

некоторых местах бытовал обычай именно в этот день, по завершении выпаса, впервые после Великого поста пить свеженадоенное молоко. Его освящали примерно так же, как на Медовый Спас — свежий мед, а на Преображение Господне — фрукты.

В весенний Юрьев день крестьяне ходили осматривать поля. Обход тоже был особым, праздничным: приглашали священников, совершали на пашне молебны с водосвятием, кропили всходы. Это опять-таки совмещалось с ритуалами, пришедшими из далеких дохристианских времен. Люди целовали землю, садились вместе за трапезу, а все остатки — крошки, кости, яичную скорлупу — зарывали здесь же, на поле. Хозяева «катались» (кувыркались) по своим посевам. Полагали, что такой обряд повышает урожайность.

Для защиты от вредителей, засухи, града втыкали крестики из прутьев, освященных в Вербное Воскресенье. Молились при этом, как повелось, св. Георгию. Тот выступал и охранителем полей. Считалось, что праведник-воин объезжал их на своем коне, ведь урожай обеспечивал не только достаток — от него зависела жизнь всей деревни.

Погодой, в представлении крестьян, заведовал тоже Егорий. К нему обращались с просьбами о ласковом солнышке, тепле, дожде. Его просили, чтобы он не допустил

бури и ураганов, разнес, развеял их, не дав натворить бед. В общем, нетрудно понять, почему на Руси так любили и почитали Георгия Победоносца.

А на поле брани вспоминали его в самую первую очередь. Иконы с изображением св. Георгия вышивали на воинских знаменах. В 1769 году Екатерина Великая учредила орден его имени, ставший у русских офицеров самой престижной наградой. С 1806-го утвердилась практика вручать воинским частям за выдающуюся доблесть Георгиевские знамена и штандарты. С 1807-го появились легендарные ныне знаки отличия — Георгиевские кресты для нижних чинов, в 1913-м — Георгиевские медали. Многие другие награды, врученные за особо трудные и героические сражения (взятие Очакова, Измаила, Праги, Базарджика, победу под Прейсиш-Эйлау), носились на Георгиевской ленте.

В богоборческие времена и годы кровопролитных сражений Великой Отечественной к этому святому обращались с молитвами самые разные люди. Его призывали на помощь солдаты и офицеры в окопах, генералы в штабных блиндажах. Он являлся небесным покровителем маршала Жукова. Да и на гвардейских знаменах и орденах Славы не случайно вновь появилась Георгиевская лента. И разве можно считать обычным совпадением тот факт, что в победном 1945-м Пасха Христова прилась на День св. Георгия? Война-то фактически закончилась именно 6 мая, когда нацистское правительство согласилось на полную и безоговорочную капитуляцию, подписанную несколькими днями позже.

И, разумеется, не случайно орден Св. Георгия и Георгиевский крест были восстановлены в Российской Федерации в новейшие времена. Победоносец по-прежнему остается покровителем наших вооруженных сил, защитником и охранителем Русской земли.

Имена и даты

ФОТО: ВЛАДИМИР САВОСТЬЯНОВ/ТАСС

Анатолий Иванов

ФОТО: АНАТОЛИЙ ГАРАНЬИНА/РИА НОВОСТИ

Андрей Вознесенский

5 мая

90 лет со дня рождения Анатолия Иванова

ВО ВТОРОЙ половине XX столетия его книги можно было найти едва ли не в каждом доме. Писатель-реалист, выросший в деревне, обладал удивительной способностью «отыскивать в жизни характеры интересные, цельные», создавать масштабные, эпические литературные полотна с множеством действующих лиц и сюжетных ответвлений. Через жизнь глухого сибирского села, сквозь судьбы нескольких поколений одной семьи он показывал жизнь огромной страны, со всеми ее резкими поворотами и потрясениями. И не боялся самых трагических тем.

Вершиной его творчества стал роман, над которым Анатолий Степанович работал 13 лет. «Вечный зов» — название аллегорическое, — отмечал автор. — Один из моих героев говорит, что человек рано или поздно начинает задумываться над сутью и смыслом бытия, жизнью окружающих

его людей, общества и над своими собственными делами и поступками. Это его заставляет делать властный зов жизни, вечное стремление найти среди людей свое человеческое место. Мне хотелось показать, что человек становится гражданином, а потом и бойцом за справедливость, за человеческое достоинство и за человеческую радость».

Мастерски выписанные характеры, жесткие конфликты, захватывающие коллизии сами просились на экран. Так появились замечательные сериалы «Тени исчезают в полдень» и «Вечный зов», имевшие колоссальный зрительский успех. Ведь в них так же остро, как и в книгах Иванова, ощущается трагическое и героическое дыхание истории.

12 мая

85 лет со дня рождения Андрея Вознесенского

ПЕРВЫЙ его поэтический сборник назывался «Мозаика». В духе этого заглавия было и все последую-

щее творчество — яркое, ритмичное, сверхметафоричное, порой «заумное», выстреливающее нарочитыми алогизмами, пестрящее картинками, в которых «квадраты расплзаются в эллипсы». Вознесенского заметил и благословил Борис Пастернак — факт, определивший очень многое в жизни стихотворца.

Вознесенского читают уже шесть десятилетий, нередко вторя раздумчивым, «фирменным» мантрам: «Я тоскую не по искусству, / Задыхаюсь по-настоящему»; «Не исчезай в нас, чистота, / Не исчезай, даже если подступит край». Он, конечно же, верил, что «в человеческом назначении — девяносто процентов добра». И абсолютно справедливо полагал: «Все прогрессы — реакционны, / Если рушится человек».

Несмотря ни на что, оставался оптимистом: «Россию хоронят. Некрологи в прессе. / Но я повторяю — Россия воскресет».

А свою судьбу с точки зрения вечности Андрей Андреевич определил краткой, выдающей в нем вполне состоявшегося философа формулой:

«Умирают — в пространстве, / Живут — во времени».

15 мая

170 лет со дня рождения Виктора Васнецова

БЕЗУСЛОВНЫЙ патриот, славянофил, основоположник особого «русского стиля», слегка насыщенного элементами символизма и модерна, он как будто жил в стране сказочных красавиц, былинных молодцев, эпических старцев, легендарных правителей...

Произведения исполнены огромной силы, однако их герои зачастую печальны, словно предвидят крутые и бедственные повороты судьбы. Таковы богатыри, озирающие бескрайние родные просторы, хрестоматийный витязь на распутье, милая Аленушка, застывшая у пруда. При виде васнецовского Ивана Грозного с горящим, испепеляющим взором бегут — согласно неписаному закону эстетического восприятия — холодные мурашки по коже. Картины Васнецова окутаны то ли общей, одной на все произведения, Тайной, то ли множеством разноуровневых загадок, с заведомо недостижимыми ответами.

Виктор Михайлович оставил после себя богатейшее наследие не только в виде гениальных живописных и графических полотен. Бесподобно расписывал величественные храмы в Киеве, Санкт-Петербурге,

Варшаве. Не жалел времени и сил для занятий декоративным творчеством.

Он жил в Москве, всем сердцем любил Белокаменную. В ней и поныне очень многое о нем напоминает.

17 мая

30 лет назад был найден Большой кремлевский клад

ЕГО обнаружили недалеко от Спасских ворот, на глубине 5 метров. От сундука, в котором хранились сокровища, остались лишь кусочки истлевшего дерева да две позеленевшие медные ручки. Однако к этому «прилагалось» без малого три сотни потемневших от времени серебряных украшений. Их датировали XII — началом XIII века.

По мнению ученых, этот клад — один из наиболее ценных среди всех, когда-либо найденных в древнерусских городах. Рядом с роскошными, поражающими тонкостью исполнения изделиями мастеров домонгольской Руси (браслеты-наручи с изображениями фантастических зверей, узорные кольца, подвески-колты), взорам специалистов предстали изящные скандинавские вещицы, золотой перстень с арабской надписью: «Слава и успех, и власть, и счастье, и украшение владельцу сего»...

Высокий статус их первоначальному владельцу очевиден. Скорее всего, сокровища принадлежали семье московского князя Владимира Юрье-

вича, внука легендарного Всеволода Большое Гнездо. Вероятно, ценности решили укрыть тогда, когда к городу подступили войска хана Батыея.

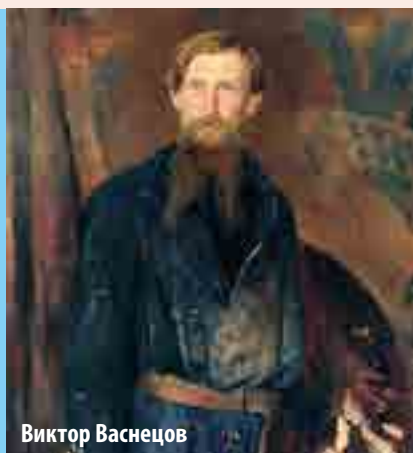
Находка стала знаковой, кардинально изменила взгляд историков на Москву того периода, наглядно доказала, что нынешняя столица была в то время не маленьким форпостом на границе Владимиро-Суздальской Руси, а довольно важным городом, находившимся в центре политических событий, игравшим заметную роль в транзитной торговле.

18 мая

315 лет назад Петр I со товарищи одержали легендарную победу в устье Невы

ВНОВЕЙШИЕ времена эту дату объявили днем рождения Балтийского флота. Послуживший основанием исторический эпизод заключал в себе удивительное сочетание беспримерного героизма, редкой бесшабашности и национально обусловленного «парадокса». Недаром все участники баталии с нашей стороны получили специальные медали, на которых по распоряжению государя была отчеканена надпись: «Небываемое бывает».

...В этот день, на рассвете, преобразенцы и семеновцы на трех десятках шлюпок под общим командованием Петра Михайлова (боевой псевдоним самодержца) и Александра Менши-

Виктор Васнецов

ФОТО: ДМИТРИЙ КОРОБЕЙНИКОВ/РИА НОВОСТИ

Большой кремлевский клад

Л. Блинов. «Взятие шведских кораблей в устье Невы». 1890

Николай II

Татьяна Самойлова
на Каннском фестивале.
1958

кова предпринимают дерзкую атаку на оснащенные пушками шведские парусники «Гедан» и «Астрильд». Не зная на мощный заградительный артогонь неприятеля русские вплотную приближаются к вражеским кораблям, берут их на бордаж, захватывают и тут же празднуют викторию. Так, не имеющие ни малейшего опыта в подобных сражениях, вооруженные лишь мушкетами солдаты и офицеры Петра дают сокрушительную оплеуху выдавшим виды морякам Карла XII...

Довольно скоро Россия обзаведется собственным военным флотом, и начнется уже совсем другая история. В ней будет много славных морских побед, но все их одержат профессиональные корабельные экипажи, а не сухопутная гвардия, для которой и на земле работы всегда в избытке.

18 мая

150 лет со дня рождения императора Николая II

ПОСЛЕДНИЙ русский монарх был рожден в резиденции российских императоров Царском Селе. Трон от своего выдающегося отца, Александра III, унаследовал осенью 1894-го. Прожил 50 лет и два месяца. Государь, его жена, дети, до конца верный им врач Евгений Боткин и прислуга были зверски убиты большевиками 17 июля 1918 года в одном

из частных домов Екатеринбурга. То есть уже предстоящим летом придет черед для другой круглой даты — черной, трагической...

Ожесточенные споры о Николае II — как личности и политической фигуре — стихнут, наверное, еще не скоро. Относительно другой ипостаси, более важной в глазах православных людей, свое решение вынес 14 августа 2000 года Архиерейский собор РПЦ: «Прославить как страстотерпцев в сонме новомучеников и исповедников Российских царскую семью: императора Николая II, императрицу Александру, царевича Алексея, великих княжен Ольгу, Татиану, Марию и Анастасию».

Иконы с их изображением есть ныне во многих храмах страны, в том числе в кафедральном соборе Русской православной церкви — Храме Христа Спасителя.

18 мая

60 лет назад фильм «Летят журавли» получил «Золотую пальмовую ветвь» Каннского кинофестиваля

СЧИТАЕТСЯ, что каннский триумф шедевра Михаила Калатозова и Сергея Урусевского в нашей тогдашней прессе был встречен слишком «сдержанно», чуть ли не пренебре-

жительно. Это не совсем так. Действительно, труженики официоза, редакторы главных партийных изданий плохо себе представляли, как нужно реагировать на международный успех отечественной киноленты со слишком сложной драматургией и новаторской режиссурой, оригинальными операторскими находками и «неоднозначным» поведением главной героини. К слову, Никита Хрущев, посмотрев картину, высказался о ней крайне резко.

Тем не менее восторженные отклики в центральной печати все же имели место. Газета «Советская культура» 20 мая опубликовала на первой полосе большую статью, начинавшуюся словами: «На Международном фестивале в Канне Большая премия «Золотая пальмовая ветвь» присуждена советскому фильму «Летят журавли». Т. Самойлова получила специальный диплом за исключительное исполнение главной роли в фильме. Мастерство оператора С. Урусевского отмечено первым призом Высшей технической комиссии Франции. Пресса полна сообщений о новом выдающемся достижении нашей отечественной кинематографии». Весьма показателен и такой фрагмент публикации: «Как только он (представитель жюри. — «Свой») сообщил о присуждении Большой премии советскому фильму и наград Т. Самойловой и С. Урусевскому, в зале раздались аплодисмен-

ты, и над зданием Дворца кино взвился Государственный флаг Советского Союза. Он реял как символ славы нашей Родины, разносторонних творческих и трудовых побед советского народа... поднявшего до невиданных высот советскую культуру, подлинно гуманистическую, проникнутую духом мира и дружбы народов».

27 мая

315 лет назад был основан Санкт-Петербург

СТОРОННИКИ «либеральной» версии историографии считают главной причиной переноса столицы в XVIII веке мнимую нелюбовь Петра к Москве, его стремление быть поближе к передовому Западу и подальше — от якобы косной, чуравшейся всего прогрессивного Белокаменной.

Об истинных целях, которые преследовал царь, коротко, но весьма емко сказано во вступлении к «Медному всаднику»: «Отсель грозить мы будем шведу, / Здесь будет город заложен на зло надменному соседу. / Природой здесь

нам суждено / В Европу прорубить окно, / Ногою твердой стать при море. / Сюда по новым им волнам / Все флаги в гости будут к нам».

Строки Пушкина следует воспринимать буквально, без скидок на поэтические гиперболы и метафоры. «Все флаги в гости» — это, конечно, важно и нужно, но на первом месте стоит все-таки «грозить».

К концу мая 1703-го русские захватили две шведские крепости, построенные на бывших землях Новгородской республики, успешно атаковали корабли неприятеля в устье Невы и отныне крайне нуждались в появлении своего северо-западного форпоста.

А вот как писал об этом ганноверский резидент при русском дворе, современник тех событий Фридрих Христиан Вебер: «Шведская угроза, несмотря на недавние победы русского оружия, оставалась по-прежнему насущной, и потому вместо взятого штурмом Ниеншанца было решено заложить в устье Невы, на Заячьем острове, новую крепость, которую называли в честь святых Петра и Павла. Крепость заложили 16 мая (ст. ст.), а две недели спустя, в день святых апостолов, получил имя и город при крепости».

ФОТО: РИА НОВОСТИ

А. Зубов. «Петропавловская крепость». 1716

В. ВАСНЕЦОВ. «ОДИН В ГОЛЕ ВОИН». 1914.

Не стоит нарушать границы

Наталья Макарова

В конце мая «зеленые фуражки» отметят вековой юбилей. Однако, традиция стоять на страже наших земель уходит корнями в далекое прошлое, ко временам героев былин и русских сказок.

КАК ЭТО ни парадоксально на первый взгляд, защитники государства, провозгласившего своим идеалом отмену всех и всяческих границ, безжалостное крушение старого мира, установление всепланетной республики Советов, на практике во многом опирались на древние устои. И, наверное, главный символ такой связи времен — пограничник в буденовке, бесстрашный воин, молодецкато носящий на голове причудливую, похожую на древний шлем шапку, которую еще при царском режиме придумал автор хрестоматийных «Богатырей» Виктор Васнецов.

...Горизонт заволокло клубами пыли, бешеный топот лошадиных копыт разрывает воздух. К границе Руси приближаются нежданные и незваные гости. Извечные враги оседлых народов, жестокие и безжалостные печенег на своих быстрых, выносливых, привыкших преодолевать огромные расстояния конях останавливаются у реки Трубеж. На противоположном берегу их уже поджидает войско во главе с князем Владимиром...

Историческое столкновение русичей с кочевниками-агрессорами состоялось в 992 году и нашло свое отражение в «Повести временных лет». Впервые летопись упоминает о границе, оборонительной системе из крепостей-городов, строившихся около Киева, вдоль рек.

Туда набирали лучших мужей из славянских племен. Осуществлять постоянное наблюдение за рубежными территориями, неизменно быть начеку — в готовности отразить удар извне — стало тогда жизненной необходимостью, ведь недружественные соседи часто вторгались на наши земли.

И та вошедшая в национальную историю встреча не сулила ничего, кроме разграбления и уничтожения русских сел и городов, убийства мужчин, увода в рабство женщин и детей.

Увидев, что путь им преградил сильный отряд, разорители не спешили к другому берегу реки. Стояли, не решаясь начать сражение. Наконец печенежский князь подъехал к Трубежу, позвал Владимира и предложил:

— Выпусти ты своего мужа, а я своего — пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года; если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года.

Как пишет Нестор, боец со стороны кочевников был «очень велик и страшен». Владимир принялся

искать того, кто способен сразиться с великаном на равных. К князю подошел некий старик и сказал, что он в войско пришел с четырьмя сыновьями, а младшего, оставил дома.

— С самого детства никто его не бросил еще оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился на меня и разодрал кожу руками, — поведал отец.

Однако сам богатырь засомневался в своей способности побороть печенега, попросил об испытании. Привели большого и сильного быка. Как только разъяренное животное поравнялось с молодцем, тот схватил его за бок и вырвал кусок шкуры с мясом. Русский предводитель был поражен невероятной силой и решил, что лучшего кандидата для поединка не сыскать. Действительно, юноша не только не уступил противнику, но после долгой схватки удавил его руками до смерти «и бросил оземь». Ратники Владимира ликовали, а кочевники бежали прочь.

На месте этой победы князь основал город Переяслав. По одной из легенд, название это означает, что наш витязь перенял славу могучего печенега. Подлинное имя героя не сохранилось, на страницах сказок и былин доньше живет как Никита Кожемяка.

В дальнейшем непрошеные гости (половцы, монголо-татары, турки — несть им числа) приходили к нам с огнем и мечом много раз. В первой половине XVI века крымские ханы и их союзники постоянно нападали на «украины» Московского государства. Возникла необходимость держать сильную стражу на южных территориях. В январе 1571-го Иван Грозный назначил начальником «погранвойск» выдающегося полководца, выходца из рода Рюриковичей, Михаила Воротынского.

Тот отличился в походах против крымских захватчиков, а затем прославился при взятии Казани. Под его руководством разработали и утвердили «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе» — по сути, первый устав русских пограничников. Документ определял точные сроки дежурств, правила оповещения командования, условия оплаты ратного труда и многое другое. Но самый выдающийся военный успех ждал Воротынского впереди.

Летом 1572 года татарские полчища, перейдя Оку, двинулись по серпуховской дороге к русской столице. Девлет-Гирею при поддержке Османской империи удалось собрать огромное войско. «Приехал царь Крымской к Москве, а с ним силы его 100 тысяч и двадцать» — свидетельствует Новгородская летопись. Однако по пути большая армия растянулась, и рядом с деревней Молоди — в 45 верстах от стольного града Руси — неприятельский арьергард был атакован отрядом воеводы Дмитрия Хворостинина. Вооруженные пищалями защитники разгро-

Памятник князю
Михаилу
Воротынскому
в Нижегородской
области

ФОТО: PHOTOPRESS

КОРНЕВАЯ СИСТЕМА

мили полки агрессора. Пораженная с тыла армия Девлет-Гирея была вынуждена приостановить свой марш.

Вскоре войска хана вступили в схватку с объединенными силами русских. У Воротынского было несколько полков: Большой, Правой руки, Сторожевой и Передовой. Первый из них располагался в гуляй-городе, передвижной крепости из тяжелых телег, на которых размещались мощные дубовые щиты. Телеги с помощью лошадей быстро передвигались, конструируя укрепления разных форм. Щиты же были незаменимы при обороне во время вражеской стрельбы из пищалей и пушек, а также при отражении натиска конницы.

На гуляй-город обрушилось несколько тысяч воинов противника, но им удалось сломить сопротивление лишь отряда стрельцов, сама же крепость выстояла. Зато контратака из-за деревянных щитов нанесла татарам огромный урон. На следующий день все силы хана Девлета были брошены в бой. Их возглавил крупный вельможа Дивей-мурза. Это наступление не только захлебнулось, но и завершилось пленением полководца.

Победы давались нелегко, через некоторое время в нашем стане начался голод. Девлет-Гирей снова ре-

шил атаковать — с целью освободить Дивей-мурзу. Однако «басурманы» явно недооценили стойкость русских, не дрогнувших даже тогда, когда отборные янычары, в отчаянии бросая коней, пытались вручную разрушить ходячий город. В этот момент Воротынский предпринял смелый шаг: передал командование обороной крепости Хворостину, а сам, совершив с Большим полком тайную вылазку, ударил в тыл неприятеля. Тут же с другой стороны, из-за стен гуляй-города, подоспела подмога.

Огромная армия чужеземцев была разгромлена. В Крым вернулись порядка 15 тысяч человек, остальные погибли в жестокой сече, либо спасались бегством, но были настигнуты русскими при переправе через Оку. На поле боя также полегли сын, внук и зять хана Девлета.

Стойкость и отвага защитников наших границ сыграли решающую роль в битве при Молодях. Отечественные историки сравнивают ее по значимости с Куликовской: страна сохранила свою независимость, укрепления на юге были отодвинуты на сотни километров, нападения крымских татар на русские города и веси прекратились почти на 20 лет, а Османская империя отказалась от притязаний на Поволжье.

С. ИВАНОВ. «НА СТОРОЖЕВОЙ ГРАНИЦЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА». 1907

Последующие века стали эпохами колоссальных территориальных приобретений, а потому пограничная служба становилась все более важной и нужной. Кроме охраны рубежей, она занималась борьбой с контрабандой, нередко участвовала в полномасштабных боевых действиях.

Во второй половине XVIII столетия на Кубани под руководством будущего генералиссимуса Суворова русские возвели 10 крепостей и 10 редутов, организовали оборону Крымского полуострова. Впервые заработала система оповещения между береговыми батареями и Черноморским флотом.

При Петре I государственные рубежи охраняли сухопутные войска, а также казаки. С 1782 года по указу Екатерины II были образованы пограничные таможи, состоявшие из вольнонаемных.

В XIX веке, ознаменованном бурным ростом внешней торговли, таможенники перестали справляться с потоками контрабанды, и погранслужбу имперские власти обособили. В конце столетия

появился Отдельный корпус пограничной стражи, который лично возглавил инициатор реформы, министр финансов Сергей Витте.

С началом Первой мировой пограничники вошли в состав действующей армии, храбро и самоотверженно сражались на различных фронтах. Октябрьская революция, а затем Гражданская война на какое-то время разрушили систему охраны наших границ. Наступление немцев весной 1918-го оказались вынуждены отражать наспех собранные части прикрытия, так называемые завесы. Новая власть быстро поняла необходимость существования регулярной службы. Декретом Совнаркома от 28 мая 1918 года была создана Пограничная охрана РСФСР. Именно с того дня ведут свою официальную историю пограничные войска современной России, хотя дата обозначила лишь один из этапов их развития и укрепления. Традиция Родину защищать родилась больше тысячи лет назад и, надо полагать, будет жить как минимум еще столько же.

В. ХУДЯКОВ. «СТЫЧКА С ОНГЛАНДСКИМИ КОНТРАБАНДИСТАМИ». 1853

Литфонд

Н. Заболоцкий

Недаром в этом мире жил

Валерий Бурт

«Я не умру, мой друг, дыханием цветов / Себя я в этом мире обнаружу. / Многовековый дуб мою живую душу / Корнями обовьет, печален и суров» — поклонники творчества Николая Заболоцкого воспринимают эти строки не как витиевато-амбициозное пророчество, но как достоверные и в общем-то «тривиальные» сведения из оставленной поэтом визитки. Читая их, легко соглашешься: да, себя — свой огромный талант и высокое предназначение — он в этом мире совершенно точно обнаруживает. 7 мая со дня рождения выдающегося лирика исполняется 115 лет.

Талант важности

В прежние времена у нас была популярна книжка Антонины Голубевой «Мальчик из Уржума» — повесть о знаменитом большевике Кирове. Их судьбы слегка соприкасались: будущий литератор окончил то же реальное училище, что и Сергей Костриков, правда, много позже. По словам друга Заболоцкого, писателя Николая Чуковского, его одаренный тезка питал искреннее уважение к Сергею Мироновичу. Последний, как известно, трагически погиб в декабре 1934-го, и гроб с телом ленинградского вождя поместили для прощания в Таврический дворец. Несметные толпы людей с утра до вечера шли по Шпалерной улице, чтобы проститься с видным революционером.

Заболоцкий в те дни сочинил стихотворение-реквием: «Казалось, высоко над нами / Природа сомкнулась рядами / И тихо рыдала и пела, / Узнав неподвижное тело. / Но видел я дальние дали / И слышал с друзьями моими, / Как дети детей повторяли / Его незабвенное имя. / И мир исполински прекрас-

ный / Сиял над могилой безгласной, / И был он надежен и крепок, / Как сердца погибшего слепок».

Тот же Чуковский отмечал: у его друга имелся «врожденный талант важности — талант, необходимый в жизни и избавляющий человека от многих напрасных унижений».

А важность эта была «картонная, бутафорская, прикрывающая целый вулкан озорного юмора, почти не отражающегося на его лице и лишь иногда зажигающего стекла очков особым блеском». В доказа-

П. ФИЛОНОВ. «ЗАПАД И ВОСТОК», 1912–1913

тельство приводились строчки из дебютного сборника поэта «Столбцы»: «Сидит извозчик, как на троне, / Из ваты сделана броня, / И борода, как на иконе, / Лежит, монетами звеня. / А бедный конь руками машет, / То вытянется, как налим, / То снова восемь ног сверкают / В его блестящем животе».

Лучистая круговерть слов, отблески белозубой улыбки Заболоцкого затмевают логику, переворачивают реальность, превращая ее в забавную аллегорию. К этому стиху под названием «Движение» стилистически близок «Футбол»: «В душе у форварда пожар, / Гремят, как сталь, его колена, / Но уж из горла бьет фонтан, / Он падает, кричит: «Измена!» / А шар вертится между стен, / Дымится, пучится, хохочет, / Глазок сожмет: «Спокойной ночи!» / Глазок откроет: «Добрый день!» / И форварда замучить хочет».

Любите живопись, поэты

Его новации в тот период не нашли поддержки, ибо в 20–30-е оригинальные фокусы, эксперименты с формой — в любом жанре литературы и искусства — как минимум не поощрялись. Но он упорно продолжал свои творческие поиски, не обращая внимания на сгущавшиеся сумерки и близость опасного предела.

Многие стихотворения живописны — то как работы футуриста, а то и как широкие классические полотна. Всюду — буйство колорита и волнение оттенков.

*Тут тело розовой севрюги,
Прекраснейшей из всех севрюг,
Висело, вытянувши руки,
Хвостом прицеплено на крюк.
Под ней кета пылала мясом,
Угри, подобные колбасам,
В копченой пышности и лени
Дымилась, подогнув колени,
И среди них, как желтый клык,
Сиял на блюде царь-балык.*

Кому-то, верно, тут послышится отзвук лиры Державина: «Багряна ветчина, зелены щи с желтком, / Ру-

ФОТО: ДМИТРИЙ КОРОБЕЙНИКОВ/РИА НОВОСТИ

мяно-желт пирог, сыр белый, раки красны, / Что смоль, янтарь — икра, и с голубым пером / Там щука пестрая: прекрасны!»

Или — пиита Филимонова, современника Пушкина: «Вот сырты свежие из Свири, / И вот пельмени из Сибири. / Вот гость далекий, беломорский, / Парным упитан молоком, / Теленок белый, холмогорский, / И подле — рябчики кругом».

Яркие, брызжащие красками строфы рождались неспроста. «Рисование вместе с математикой считались у нас важнейшими предметами, нас обучали владеть и карандашом, и акварелью, и маслом, — вспоминал Николай Заболоцкий. — У нас были свои местные художники-знаменитости, и вообще живопись была предметом всеобщего увлечения». В общем, смотрел он на мир глазами Брейгеля, Шагала, Филонова et cetera и при этом громко призывал: «Любите живопись, поэты!».

Рифма Заболоцкого удивительно своя, родная, и среди чеканно-четких музыкальных ритмов: «И, под железный гром гитары / Подняв последний свой бокал, / Несутся бешеные пары / В нагие пропасти зеркал...» — беззаботная радость танца растекается во мраке ночи, далее следуют несколько часов безмятежного покоя, и вот уже гудки предприятий величественно и сурово встречают рассвет: «И над становьями народов — / Труда и творчества закон».

Он был невероятно любознателен, читал произведения Энгельса и Сквороды, Тимирязева и Циолковского. Этим и подобных им авторов находил «самодеятельными мудрецами», полагал, что главное — не книжные знания, а природное мышление, пусть даже в чем-то наивное, зато смелое. Его влекли древняя мифология, мерцание созвездий, движение ночных светил и прочие поданные Вселенной знаки: «Сквозь волшебный прибор Левенгука / На поверхности капли воды / Обнаружила

С женой Екатериной и дочерью Натальей. 1946

наша наука / Удивительной жизни следы».

Опыты со словами и фонемами Заболоцкий производил подобно ученому-алхимику, колдующему над элементами, колбами и пробирками. Вместе с Даниилом Хармсом, Александром Введенским, Константином Вагиновым и другими молодыми литераторами они основали «Объединение реального искусства» (ОБЭРИУ). Как видим, буква «у» тут лишняя, добавлена в аббревиатуру для вящей гулкости и вместе с тем — таинственности. Обэриуты устремились в дебри литературы, усердно размахивая знаменами гротеска и алогизма, погружая читателей в поэтику абсурда.

В пустыне веков

Творчество этой группы комиссары от словесности обозвали «заумным жонглерством» и, что совсем худо, объявили враждебным социалистическому строю. Заболоцкий в известные годы попал под каток репрессий. На следствии и в заключении натерпелся с лихвой, но, к счастью, уцелел — после четырехлетней неволи оказался в ссылке. Там (в Караганде) завершил переложение великого литературного памятника «Слово о полку Игореве». Данная работа, по мнению критиков и специалистов, была проделана блестяще, а Дмитрий Лихачев отметил, что перевод Заболоцкого — «несомненно, лучший из существующих, лучший своей поэтической силой».

«В пустыне веков, где камня на камне не осталось после войн, пожаров и лютого истребления, стоит этот одинокий, ни на что не похожий, собор нашей древней славы. Страшно, жутко подходить к нему. Невольно хочется глазу найти в нем знакомые пропорции, золотые сечения наших привычных мировых памятников. Напрасный труд! Нет в нем этих сечений, все в нем полно особой нежной дикости, иной, не нашей мерой измерил его художник. И как трогательно осыпались углы, сидят на них вороны, волки рыщут, а оно стоит — это загадочное здание, не зная равных себе, и будет стоять вовеки, доколе будет жива культура русская», — эти полные искреннего благоговения перед нашей историей слова сохранились в письме Заболоцкого его доброму знакомому, филологу и литературоведу Николаю Степанову.

Спой мне, иволга

У последнего поэт жил — в хорошо ему знакомой по лагерным годам тесноте, — когда возвратился из ссылки. Ночи коротал, лежа на хозяйском столе. Позже пребывал в доме писателя Ираклия Андроникова, неутомимого исследователя творчества Лермонтова.

Затем получил приют на переделкинской даче Василия Ильенкова, писателя ныне малоизвестного, ставшего, однако, в свое время (за роман «Большая дорога») лауреатом Сталинской премии. Поступки людей, предоставивших Заболоц-

кому стол и кров, можно расценить как весьма смелые: их квартирант носил, ни много ни мало, клеймо «врага народа».

У Ильенкова он обитал в крошечной комнатке на втором этаже. Окно выходило в березовую рощу, откуда постоянно доносилась желанная музыка птичьего гомона:

*В этой роще березовой,
Вдалеке от страданий и бед,
Где колеблется розовый
Немигающий утренний свет,
Где прозрачной лавиной
Льются листья с высоких ветвей, —
Спой мне, иволга, песню пустынную,
Песню жизни моей.*

«В Переделкине он стал писать много — после восьмилетнего перерыва, — вспоминал Николай Чуковский. — Его новые стихи резко отличались от старых; они ничего не потеряли, кроме разве юношеского озорства, но приобрели пронзительность боли, и нежность, и, главное, необычайную музыкальность».

«Иволга» стала песней и прозвучала в популярном фильме «Доживем до понедельника», потом появилась «Признание» — эхо любви к молодой поклоннице его таланта Наталии Роскиной:

*Зацелована, околдована,
С ветром в поле когда-то обвенчана,
Вся ты словно в оковы закована,
Драгоценная моя женщина!*

Пылкость чувств и холод тайный

Эстетический вкус у него был совершенно особенный, что само по себе, наверное, и не хорошо, и не плохо. В русской поэзии наиболее знамениты два Николая Алексеевича — Некрасов и Заболоцкий. Второй, разумеется, первого читал, однако им отнюдь не восхищался. Как, впрочем, и Фетом, Ходасевичем, Маяковским, Ахматовой. Анна Андреевна, к слову, наоборот, относилась к нему с должным уважением. Блока Заболоцкий тоже поначалу невзлюбил, потом — оценил. С пиететом относился к Баратынскому, Тютчеву, Хлебникову. Мандельштамом сперва восхищался, но с возрастом к его стихам охладел. Пастернаку выражал сугубое предпочтение — и в беседах с окружающими, и в собственных стихах: «А внизу на стареньком балконе — / Юноша с седой головой, / Как портрет в старинном медальоне / Из цветов ромашки полевой. / Щурит он глаза свои косые, / Подмосковным солнышком согрет, / Выкованный грозами России / Собеседник сердца и поэт».

Наталия Роскина рассказывала: «Он весьма обдуманно формировал систему своих поэтических вкусов и взглядов на поэзию, сознательно отменял то, что считал ей чуждым. Вообще это сочетание — пылких чувств и «холода тайного» — было ему очень свойственно. Многие вспоминают его степенным, рассу-

дительным, похожим на удобно устроенного пожилого бухгалтера. Иные знали его ярким, бурным, блестящим умом и юмором. Но никто, думаю, не скажет о нем, что он был человеком теплым. И своих близких, и поэтов, с ним сопоставимых, он подвергал холодному и строгому суду».

В его душе, словах и поведении — это присуще, пожалуй, абсолютному большинству крупных поэтов — противоречия всех видов и оттенков были скорее нормой, нежели исключениями из правил. Он проявлял то щедрость, то скупость, то высокомерие, то сочувствие, сострадательность, порой понимал все и всех, иногда не замечал никого и ничего. Не обнадеживал ни себя, ни близких, пощады не просил ни у судьбы, ни у людей.

Во всяком случае, так считала Наталия Роскина, хотя, надо признать, она едва ли была по отношению к нему беспристрастной...

Давиду Самойлову при знакомстве с Заболоцким показалось, что он похож на главбуха некоего солидного учреждения или даже на Чичикова. Однако позже взору Давида Самуиловича являлся «очень российский интеллигент», умный, шуточный, доброжелательный. И даже такой, который «мудр, добр, собран, несуетен и прекрасен».

«Этот добрый, справедливый, верный человек был терпим к чужому мнению, — полагал Николай Чуковский. — Он был прекрасным другом своих друзей, хотя душевное целомудрие никогда не допускало его до дружеских излишаний».

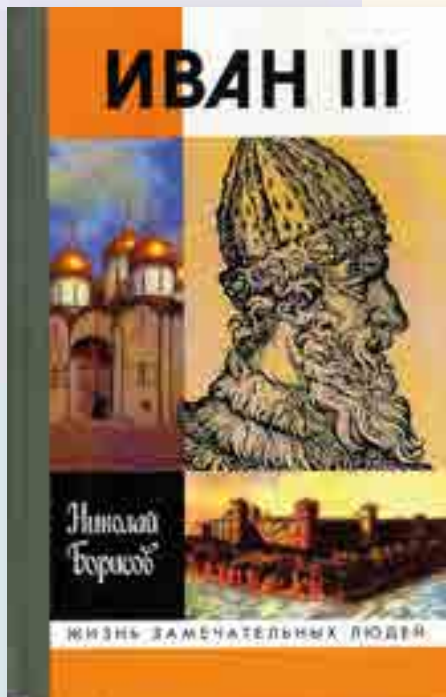
Как мир меняется...

Оставив позади уже большую часть жизненного пути, Заболоцкий — совершенно в духе философов, которых когда-то штудировал, — воскликнул: «Как мир меняется! И как я сам меняюсь!» Временами прозрения были слишком грустны: «Клялась ты — до гроба / Быть милой моей. / Опомнившись, оба / Мы стали умней. / Опомнившись, оба / Мы поняли вдруг, / Что счастья до гроба / Не будет, мой друг».

Николай Алексеевич не без грусти говорил: «Про меня пишут — вторая молодость. Какая там молодость! Стихи, которые я печатаю, писаны тому назад лет двадцать... Когда поэта не печатают, в этом тоже есть польза. Вылеживается, а лишнее уходит».

Грандиозным трудом, в котором он достиг высочайшего уровня, являлись поэтические переводы. Заболоцкий мечтал переложить на современный язык наши древние былины, но не успел. Подвело (далеко не в первый раз), а потом окончательно остановилось сердце. Как будто предвидя роковой, закономерный по своей внезапности исход, он призывал будущих русских корифеев принять у него благородную эстафету:

«О, я недаром в этом мире жил! / И сладко мне стремиться из потемок, / Чтоб, взяв меня в ладонь, ты, дальний мой потомок, / Доделал то, что я не довершил».

Иван III

Николай Борисов

М.: «Молодая гвардия», 2018. — 656 с.

«Россия нынешняя образована Иоанном», — писал Николай Карамзин в позапрошлом столетии, имея в виду не первого князя Московского по прозвищу Калита, превратившего удельное местечко в политическую и религиозную столицу Северо-Восточной Руси, и не Грозного царя, выдающегося военного стратега и книжника, но Ивана Великого, как называли того современники. Этот собиратель русских земель, освободитель страны от ордынской зависимости, инициатор внедрения первого свода государственных законов, успешный дипломат — все помнят о его женитьбе на Софии Палеолог и укреплении связей с Византией — являлся, по выражению автора книги, «духовным отцом» столичного Кремля и всего нашего Отечества.

«Есть люди, жизнь которых воплотилась в великие творения, — начинает свою историко-художественную монографию Николай Борисов, — так Петербург стал великим памятником Петра, Троице-Сергиева лавра славит преподобного Сергия Радонежского, а Киевская София — мудрого Ярослава. Невозможно остаться равнодушным, глядя из-за Москвы-реки на причудливое скопление дворцов и монастырей, соборов и колоколен, стянутое сводом зубчатых стен. И над всем этим евразийским великолепием... над молельнями и гробницами — тень великого князя Московского Ивана III».

Неретушированный портрет правителя позднего Средневековья написан профессором истфака МГУ им. М. В. Ломоносова, который не стремился «вывести на чистую воду» или, наоборот, в чем-то оправдать своего героя. «Перед нами — невиданный прежде на Руси тип правителя — могущественного, умного и хищного диктатора, в деяниях которого благочестивая риторика и социальная демагогия соседствуют с грубым произволом», — характеризует историк государя.

Впрочем, само понятие «диктатура», за которым закрепился оттенок сугубо отрицательный, трактуется специалистом в расширенном ключе. С античных времен это указывало скорее на средоточие власти в одних руках — форму правления, наиболее эффективную тогда, когда обществу нужно объединиться, чтобы дать отпор внешнему врагу или провести сложные социально-экономические реформы, — нежели на чью-то склонность к расправам и репрессиям. Также автор заметил, что в теории диктатура не должна быть абсолютной: лидеру приходится считаться с интересами привилегированного сословия, с религией или идеологией народа, ведь любой срыв сценария, будь то заговор аристократии или бунт низов, поставит под сомнение его авторитет.

Иван Васильевич, как и многие русские правители, действовал наперекор правилам — «поставил под ружье» аристократию с ее вечной тягой к мятежу, крестьян с их охотой к перемене мест и даже погруженных в молитву монахов-отшельников. При этом «пустил в дело и мастеровитых итальянцев, и хитроумных греков, и ученых немцев, и скучавших без дела татарских «царевичей». Вся эта пестрая смесь, переплавившись в огне московской диктатуры, стала прочным материалом для невиданной доселе евразийской монархии».

Северянин

Владимир Бондаренко

М.: «Молодая гвардия», 2018. — 416 с.

Игорь-Северянин — автор книги настаивает именно на таком, аутентичном написании литературной маски — одна из самых спорных фигур рубежа веков. Декадент, воспеватель каких-то виконтесс и ананасов в шампанском, кумир модисток, парикмахеров, приказчиков и гувернанток, «царственный паяц», получавший звучные литературные затрецины от мэтров. По мнению Зинаиды Гиппиус, «он жаждал изящества как всякий прирожденный коммивояжер, но несло от него, увы, стоеросовым захолустьем». Однако у Мережковского, Мандельштама, Гумилева, Блока были тысячные тиражи, а у него, представьте себе, — десятитысячные. «Надтреснутая слава», как «дорогая чашка с отбитым краем», — так характеризовал сей феномен в книге «Прогулки по Серебряному веку» Вячеслав Недошивин. Царственный, конечно, но — паяц. Паясничающий — но на царстве.

Владимир Бондаренко переосмыслил традиционный взгляд на Северянина (основной штамп — пятилетие громкой славы и угасание таланта в эмиграции). По мнению маститого критика, лучшую свою книгу «Медальоны» поэт написал в Белграде. В ней собраны сто сонетов — портретов, пристрастно-образных зарисовок — о знаменитых и малоизвестных литераторах. Вот, например, об Ахматовой: «Послушница обители Любви/ Молитвенно перебирает четки. /Осенней ясностью в ней чувства четки». А вот — о себе: «Он тем хорош, что он совсем не то, / Что думает о нем толпа пустая, / Стихов принципиально не читая, / Раз нет в них ананасов и авто».

Не друживший с реальностью, живший по своим мифическим законам, наивный и высокомерный Северянин, — он старался походить на Оскара Уайльда, только опрятен был не всегда, — кажется идеальным поэтом, да еще и обойденным вниманием критиков.

Незадолго до смерти, в Эстонии, он ведет сам с собою беседу, готовит интервью невесте для какого издания и делится (с собой же) мучительно сокровенным:

«Комната выдержана в апельсиново-бежево-шоколадных тонах. Два удобных дивана, маленький письменный стол, полка с книгами, несколько стульев вокруг большого стола посередине, лонг-шэз у жарко натопленной палевой печки. На стенах — портреты Мирры Лохвицкой, Бунина, Римского-Корсакова, Рахманинова, Рериха; в углу — бронзовый бюст хозяина работы молодого эстонского скульптора Альфреда Каска. Игорь Северянин сидит в лонг-шэзе, смотрит неотрываемо на Нарову и много курит.

Я говорю ему:

— Итак, уже 35 лет, как вы печтаетесь...

— О, нет, они никого не любят, не ценят и не знают. Им сказали, что надо читать, и они слушаются... Я как-то писал выдающемуся польскому поэту Казимиру Вежинскому: «Русская общественность одною рукою воскрешает Пушкина, а другою умерщвляет меня, Игоря Северянина».

Большинство его стихов тем не менее оказались поразительно живучи. По сей день сохраняют первозданную свежесть и магию, даже будучи слегка потрепанными от частых декламаций «ананасов в шампанском».

«Споем о боях, о старых друзьях...»

Сергей Алдонин

105 лет назад в Петербурге в семье надворного советника родился тот, кто подарил нам как минимум десяток дивных мелодий на все случаи жизни, массу анекдотов и множество забавных легенд — Никита Богословский. В графе «происхождение» он писал: «быв. двор.», — что могло означать, по задумке, не принадлежность к дворянскому сословию, а, к примеру, указание на выходца из семьи бывшего дворника. Суровый, беспощадный ХХ век к нему был весьма снисходителен и даже награждал его за находчивость и талант цветами и аплодисментами.

«ЭТОТ — СО МНОЙ»

Тайны мастерства юному Никите передавал Александр Глазунов, великий композитор и прирожденный педагог. Для Богословского он был наставником не только в музыке, но и по части юмора. Создатель балета «Раймонда» и других выдающихся произведений знал толк в каламбурах. Однажды Глазунов прочел в утренней газете о том, что турецкий султан казнил нескольких придворных певцов — чем-то их искусство не угодило деспоту. К обеду было готово четверостишие:

*Уж посажены на кол басы
(Не большие у них ведь чины),
Так не скушать ли нам колбасы
И не слопать ли нам ветчины?*

Будущий автор «Шаланд, полный кефали» охотно перенял традицию розыгрышей и скетчей классического XIX века. Начинающий остряк, как и его учитель, не сомневался: без шалостей быт пресен и уныл. И не умел себя сдерживать, когда «натура рвалась» похулиганить. Для таких людей жизнь — игра, а не борьба. Никита Владимирович создавал вокруг себя праздник и постепенно втянул в этот карнавал многомиллионную армию поклонников.

Дебютные музыкальные опусы и первые газетные фельетоны начали выходить из-под пера Богословского практически одновременно. А в преклонные годы он являлся единственным в СССР действительным членом четырех творческих союзов: компози-

Ганы тёмны
...жизнь»

1968

ФОТО МИХАИЛ ОЗЕРСКИЙ, РИАН НОВОСТИ

торов, кинематографистов, театральных деятелей и журналистов.

Давным-давно, к собственному пятидесятилетию, Никита написал оперетту «Ночь перед Рождеством». Ее тут же поставили в ленинградском театре Музкомедии, однако юного творца на вечерний спектакль по малолетству не пустили. Билетерша заявила: «Мальчик, тебе нельзя, придешь с мамой в воскресенье на утренник». Данную историю он впоследствии рассказывал бесчисленное количество раз. И сегодня уже невозможно определить, где правда, а где выдумка. Мистификации стали для него не развлечением, а образом жизни. По этому поводу сам он некогда философски изрек: «У меня был один розыгрыш, задуманный 27 лет назад. Он шел как многосерийный фильм. Но вот беда: его участники начали умирать, а когда актеры выбывают, надо менять сюжет».

Первые всеосознано известные песни Богословский сочинил для кинокартины «Остров сокровищ». Вся страна в 1938-м распевала «Песенку Джинни»: «Если ранили друга, сумеет подруга врагам отомстить за него. Если ранили друга, перевяжет подруга горячие раны его...» Один за другим выходили на экран превосходные мультфильмы с репризной, изобретательной музыкой молодого маэстро: «Кот в сапогах», «Три

уже немного знал Шостаковича по Союзу композиторов. Ну и вот, я вежливо раскланялся с ним, поздравил. Он рассеянно выслушал, явно не узнав меня, но, поблагодарив, продолжил прогулку, опять погрузившись в себя. Я взял извозчика, обогнал композитора и опять пошел ему навстречу. Все повторилось — вежливые поклоны, поздравления. Он уже слегка удивлен. Затем я повторяю свой маневр в третий раз. Шостакович уже ничего не насвистывает, он растерян и озабочен. Увидев меня, ускоряет шаг и переходит на другую сторону проспекта. Тогда я бегу на почтамт, звоню другу

мушкетера», «Мойдодыр»... С тех пор баловня судьбы не покидала слава. В том числе — скандальная. На его шестидесятилетия Дмитрий Шостакович произнес примерно такой спич: «Нашего юбиляра я помню еще с начала 30-х. Тогда в Ленинград неожиданно приехал Исай Добровейн, уже живший за границей, и дал один-единственный полужакрытый концерт. Билетов на него не было, я шел в Консерваторию через служебный вход, как вдруг передо мной возник какой-то юнец и, указав на меня через плечо пальцем, сказал: «Этот — со мной». Так я впервые узнал имя наглеца: студент Никита Богословский!»

Доверчивого и рассеянного классика он любил разыгрывать смелую, хотя и много позже не без удовольствия вспоминал: «Как-то, идя по Невскому, встречаю Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, который в задумчивости гулял по проспекту, глядя себе под ноги и что-то тихо насвистывая. А это был еще и день рождения Шостаковича, но он не изменял своему правилу ежедневной прогулки по городу. Я

На приеме в Кремле с М. Матвеевым и Л. Утесовым. 1967

ФОТО: ВАЛЕНТИН МАСТЮКОВ/ТАСС

М. Бернес в фильме
«Два бойца»

РОДНАЯ ЛИРА

можно вполголоса объясняться в любви: «Три года ты мне снилась, а встретила вчера». Искусством играть на полутонах он владел филигранно.

А во время войны Богословский сотворил «Темную ночь». Никита Владимирович повествовал об этом так. «Ко мне пришел режиссер Леонид Луков и сказал, что без хорошей песни никак не получается сцена в землянке. И при этом так талантливо рассказал и даже показал, какая она должна быть, что я сел к роялю и сыграл всю мелодию от начала до конца без единой остановки именно в том виде, в котором она вошла в фильм».

Слова сочинил поэт Владимир Агатов, ему для этого понадобилась пара часов. Пока картину снимали, новое произведение Богословского успели исполнить и записать Леонид Утесов и Иван Козловский. Первая матрица с фонограммой голоса Ивана Семеновича пошла тогда в корзину: работница завода грамзаписи не сдержала эмоций и подпортила пластинку слезами.

Никто в ту пору не сомневался: песня является грозным оружием, как боевая, так и лирическая. Ведь героям-победителям нужны не только марши. «Темная ночь» практически не нуждалась в переводе, ее в 1940-е понимали войны, говорившие на самых разных языках, легко различали в ней и грусть-печаль солдата, тоскующего по родным, и его решимость сражаться до конца, и любовь, без которой в минуты роковые не будет ни отваги, ни надежды.

А возвращались бойцы с фронта уже под звуки следующего шедевра Богословского — «Солдатского вальса»: «Споём о боях, о старых друзьях, когда мы вернемся домой».

Он реже, чем другие композиторы, писал о партии. Зато чаще привносил в свои вещи камерность, интимность, артистизм. Его творчество иногда бранили за «мелкотемье». Еще больше доставалось таким песням, как «Шаланды» —

в Москву, и тот посылает на адрес Шостаковича срочную телеграмму: «Находясь в Москве и не имея возможности лично поздравить вас с днем рождения зпт хочу сделать это данной телеграммой». Далее шла привычная поздравительная часть, и в конце — «До скорой встречи тчк Никита Богословский».

С другим музыкальным мэтром, Сергеем Прокофьевым, он познакомился в Москве. Их тогда поселили по соседству. Но вот незадача — один был «жаворонком», а второй — неисправимой «совой» (и замечательным мемуаристом): «Когда ему надоедало, что я по ночам играю на рояле, он стучал мне в потолок шваброй. Если же он начинал с утра музицировать, нарушая мой утренний сон, я не решался стучать каблуком в пол, чтобы не мешать творческому процессу гения».

Жертвой поистине хрестоматийного (хотя, по правде говоря, далеко не самого доброго) розыгрыша стал однажды Сигизмунд Кац, написавший немало хороших популярных песен. На Донбассе шел творческий вечер сразу двух композиторов. В первом отделении выступал Богословский. Ко второму подъезжал Кац. В дотелевизионную эпоху совсем немногие знали своих любимцев в лицо, и Никита Владимирович, появившись на сцене, смело представился: «Здравствуйте, меня

зовут Сигизмунд Кац». После чего с успехом исполнил весь репертуар друга-коллеги, а в антракте сел в ЗИМ и был таков. Тут к публике вышел Сигизмунд Абрамович, и недоуменные зрители прослушали эту же программу во второй раз...

По слухам, Никиту Владимировича на полгода исключили из Союза композиторов. Что ж, вполне адекватное наказание, хотя и розыгрыш вошел в классику, наверное, не менее заслуженно.

Без песни — никак

Среди великолепной плеяды авторов советских мелодий 1930–1940-х Богословский не только не затерялся, но и успешно разрабатывал пласты актерского пения. Его лучшие предвоенные композиции — «Любимый город», «Огонек в твоём окне», «Спят курганы темные» — исполнял всеобщий любимец Марк Бернес. Да и Утесов, который с легкой руки Богословского на какое-то время переквалифицировался в старого московского извозчика, был актером и по профессии, и по духу. Гораздо позже, в 1970-е, седой как лунь мэтр напишет цикл песен для Валерия Золотухина, и они — задушевные, ироничные, «фамильные» — вновь зазвучат на всю страну: «А я в ответ на твой обмен найду еще кудрявее». Посредством его произведений

за эстетизацию «блатных» мотивов. Впрочем, в те годы от критики попадало всем, даже сталинским лауреатам. К 1960-м зоилы умолкли, фронтовая лирика Никиты Владимировича стала признанной классикой, а сам он превратился в завсегдадая худсоветов.

Прощальная шутка

Каждый находил в его песнях свою изюминку, близкую сердцу интонацию. Лемешев и Магомаев исполнили их под оркестр, «Шаланды» пелись под гитару, а якобы русская народная «Помнишь, мама моя, как девчонку чужую...» звучала под аккомпанемент гармошки.

Остроты Богословского десятилетиями тиражировались в газетах под рубрикой «Заметки на полях шляпы». Их можно цитировать бесконечно: «Белую рубашку следует надевать два раза. Затем она делается серой, и ее еще долго можно носить», «Продаются щенки с родословной хозяина», «Ему везло в карты чаще, чем полагается порядочному человеку». Однажды композитор опубликовал открытое письмо мэру Юрию Лужкову:

*Оплачивать квартиру денег нету,
И, видимо, не будет никогда.
Назвали моим именем планету:
Быть может, переехать мне туда?!*

Эта миниатюра наверняка войдет в антологию русской сатиры, в ней — правда о наших 90-х. Богословский тогда не писал новых композиций. К лирике тогдашняя действительность не располагала. Да и песенная конъюнктура стала, мягко говоря, чересчур коммерческой. Мэтр пожимал плечами: «Тот стиль, который пропагандируется сейчас на радио, на телевидении, на эстраде, мне чужой, потому что я привык к музыке мелодичной, запоминающейся на долгие времена и как-то будоражащей умы и души».

Само понятие «эстрада» вышло из употребления. Вместо нее заговорили о «шоу-бизнесе». На этом «празднике жизни» советский корифей оказался чужим. И шутки его становились все горше. В отточенном парадоксальном стиле он рассуждал о смерти: «Я живу в доме, на котором пять

мемориальных досок. И мне чрезвычайно любопытно, чья будет шестая».

Злые языки характеризовали Богословского как непробиваемого циника и хамелеона: мол, такой же, как его модные очки. Щеголь и вертопрах, без конца изрекающий остроты, порхающий галопом по Европам, как некоторым казалось, не умел испытывать сильных чувств, легко вычеркивал из жизни неудобных людей, оберегая свой «уголок эгоиста».

Он бывал и представлял разным. И песни сочинял то меланхоличные, то ернические, то — в народном духе. Когда в Чечне проливалась кровь, Богословский написал:

*Миром конфликт разрешить не сумели.
Сводки военные слушать невмочь.
Я не хочу, чтобы снова запели
«Темную ночь».*

Эту строфу читал со слезами в голосе. А вообще... создать «Темную ночь» прожженный циник не смог бы, как бы ни пытался.

На закате дней ему удалось сотворить мистификацию, которой позавидовал бы граф Калиостро. Шел концерт, посвященный 90-летию юбилею композитора. Богословский в темных очках, при бабочке, как и положено юбиляру, восседал на сцене, принимая цветы и поздравления. Звучали его песни, сменялись солисты. И вдруг в конце представления из зала на этот помост-пьедестал вышел Богословский. Оказывается, все это время букеты принимал Оскар Фельцман, которого Никита Владимирович уговорил поучаствовать в игре.

Так подняться на сцену,
как Богословский,
дано не каждому.

ФОТО: ИТАР-ТАСС

Первый радиоприемник
в колхозе. 1930

На своей волне

Андрей Самохин

«Внимание! Говорит Москва! 8 мая 1945 года в Берлине представителями германского верховного командования подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершена. Германия полностью разгромлена...» — самое долгожданное в нашей истории радиообращение легендарный диктор зачитал в ночь на 9 мая. А менее чем за пятеро суток до Победы, словно желая подчеркнуть весомость вклада в нее радильщиков, Совнарком постановил ежегодно отмечать в стране новый профессиональный праздник — День радио.

Великий коллективный труд

Для многих поколений соотечественников этот феномен был настолько значителен, архиважно, что даже связанные с ним расхожие шутки по сей день настраивают на философский лад: «Александр Попов изобрел радио — включил, а слушать нечего»; «Вот радио есть, а счастья нет!» (из «Записных книжек» Ильи Ильфа).

Слово, значение которого в советскую эпоху стало понятно каждому, впервые прозвучало в среде технических специалистов за 20 лет до того, как Попов создал свой знаменитый прибор. В 1873 году этот термин (от латинского *radio, radiare* — излучать) употребил английский химик, физик и спиритуалист Уильям Крукс — для объяснения бесконтактной биосвязи «между головами людей», а также с духами умерших. Описывая устройство, рожденное в его фантазиях, он ввел понятия «генерирование», «диапазон», «чувствительность», «избирательность», впоследствии ставшие в радиотехнике обыденными.

Давний международный спор о первенстве в изобретении радиосвязи по большому счету не имеет смысла. Не только временной, но и научно-технологический приоритет все серьезные специалисты в этой области давно отдают русскому инженеру, продемонстрировавшему первый в мире радиоприемник-грозоотметчик 7 мая 1895 года (именно с этой датой связано празднование Дня радио). Гульельмо Маркони получил свой патент 2 июля 1897-го, когда итальянское министерство отказалось от его «беспроволочного телеграфа».

А вообще, любое выдающееся ноу-хау «стоит на плечах предшественников». То, что электромагнитные волны распространяются со скоростью света, первым предположил англичанин Джеймс Максвелл. Немец Генрих Герц в 1888 году подтвердил их существование, более того — сумел передать на расстояние без проводов, с помощью генератора и резонатора, сконструированных им же. Однако практической пользы от подобных опытов он не видел: «Это абсолютно бесполезно. Мы всего-навсего имеем таинственные электромагнитные волны, которые не можем видеть глазом». Через два года француз Эдуард Бранли придумал важнейшую для радиосвязи вещь — стеклянную трубку с металлическими опилками, которые благодаря высокочастотным волнам Герца резко меняли свою проводимость. Еще один англичанин, Оливер Лодж, трубку Бранли в 1894-м усовершенствовал, назвал «когерером», но дальше этого в технологиях не продвинулся.

Довел общее дело до ума сын русского священника, преподаватель физики в Минном офицерском классе Кронштадта. Он создал прибор, позволявший «расслышать» в

атмосфере дальние грозовые разряды, а затем передать сообщение морзянкой. Факт преемственности Александр Степанович как добросовестный ученый увековечил в марте 1896 года: первая в мире радиодиаграмма состояла из двух слов «Генрих Герц».

Морзянка нам поможет

Для практического применения изобретению требовалась всесторонняя научная база. Ее спустя годы подготовили, синтезировав предыдущие знания и достижения, тот же Александр Попов и два его помощника.

Показательно, что в России радиосвязь сразу же начала развиваться в целях спасения людей и обороноспособности страны. В том же 1896-м удалось с берега отправить радиодиаграммы на корабли ВМФ: сперва — на 640 метров, а позже и на 5 км. Через два года 11-километровая радиопередача уже всерьез заинтересовала Морское министерство, согласившееся финансировать перспективную разработку. В мастерских лейтенанта Евгения Колбасьева и парижского инженера Эжена Дюкрете развернулось мелкосерийное производство беспроводных телеграфов Попова. И уже вскоре новинка стала реально спасать — в начале броненосец «Генерал-адмирал Апраксин», севший на мель у острова Гогланд, а потом рыбаков, унесенных на льдине в том же районе.

Наши броненосцы в Русско-японскую и сухопутные части в Первую мировую продолжали общаться между собой на языке точек и тире. Такое практиковалось и в европейских армиях. Попытки сделать радио полноценно говорящим, а то и поющим, воспринимались, как правило, скептически. Даже коммерчески продвинутой Маркони желал, чтобы «краеугольным камнем беспроводного телеграфа оставалась азбука Морзе». Американский инженер Ли де Форест, изобретший лампу-триод, и вовсе

И. Сорокин. «Попов демонстрирует адмиралу Макарову первую в мире радиостанцию». 1948

ФОТО: В. БАБАЙЛОВ/РИА НОВОСТИ

Радиоприемник А. Попова

сказал как отрезал: словоговорение «лишит радио его важнейших жизненных сил и уничтожит все, что есть в нем полезного».

Надо признать: в создании такого радио, каким мы его знаем, пальму первенства еще в начале XX века перехватили заокеанские изобретатели. Первым догадался промодулировать радиосигнал канадец Реджинальд Фессенден. В разрыв провода антенны искрового передатчика он включил угольный микрофон, а 23 декабря 1900 года «закинул» речь на расстояние в одну милю. Звук был при этом абсолютно неразборчивым. Однако через шесть лет Фессенден организовал успешную радиотрансляцию для судов, прочтя несколько строчек из Библии и сыграв на скрипке отрывок из пьесы «О святая ночь!».

Ключевые технологии в этой сфере также пришли к нам из Северной Америки. Регулярное вещание стартовало в США в 1909-м. К 1924 году там уже работало более 500 радиоконпаний.

В деле применения беспроводного телеграфа, особенно его военных модификаций, Россия не сильно отставала от передовых западных стран. А вот в плане использования «говорящего» радио

пришлось догонять и наверстывать. Уже в «новую эру», 8 ноября 1917 года, текст Декрета о мире большевики передавали с радиостанции «Новая Голландия» при помощи «точек-тире». Аналогичным языком объявляла о низложении Временного правительства рубка крейсера «Аврора». 27 февраля 1919-го в Нижнем Новгороде состоялась первая в России трансляция речи. В 1921-м в Москве были установлены рупоры, через которые озвучивались постановления новой власти и тексты газетных статей. Вскоре началась радиофикация жилых домов.

В 1922-м молодой сотрудник Нижегородской лаборатории Олег Лосев открыл способ генерирования высокочастотных колебаний посредством кристаллических детекторов, изобрел радиоприемник без усилительного каскада. На Вознесенской улице столицы, в маленькой комнате, заставленной приборами, заработала мощная по тем временам радиостанция имени Коминтерна. Радиолампы конструкции Михаила Бонч-Бруевича, превосходившие по своим параметрам западные аналоги, позволили спроектировать сеть магистральных линий, покрывшую всю территорию страны. Выполнялась установка Ленина на выпуск «газеты без бумаги и без расстояний». Впрочем, и другая миссия нового СМИ заявила о себе во всеуслышание. Центральная радиотелефонная станция транслировала 17 сентября 1922-го первый в Советской России радиоконцерт: произведения Чайковского, Бородина и Римского-Корсакова исполнили тогдашние звезды Большого театра.

Когда объявит Левитан

Развитие радио в СССР шло по многим направлениям, следуя самым разным законам и нормам — политическим, социальным, эстетическим, внутрикорпоративным. Своя специфика была и у работников пропаганды, и у тех, кто создавал популярные жанры. Государственный радиоолимп снизу подпирала армия любителей коротковолновой связи. В войну частные приемники, которых насчитывалось по стране уже миллионы, граждане были обязаны сдавать (под угрозой ареста) на особые склады. И тем не менее массовая грамотность по этой части сыграла в те страшные годы важную роль: связисты в войсках, партизаны в лесах, засылаемые в тыл к гитлеровцам бойцы без малейших затруднений крутили верньеры настройки и ставили антенны. А за пределами России, по всей планете, люди, ненавидевшие

ФОТО: Е. ТИХОНОВ/ЛАСС

Ю. Левитан передает по радио приказ Верховного главнокомандующего о взятии Берлина. 3 мая 1945 года

фашизм, с надеждой ловили позывные Москвы и слушали сводки Совинформбюро.

Силу воздействия радио в тот период показывает известный анекдот: в 1945-м на вопрос «Когда закончится война?» Сталин ответил: «Когда Левитан объявит, тогда и закончится». Кстати, выдающемуся диктору обязана своим возникновением Херсонская область. 13 марта 1944 года, в день освобождения города, он ошибочно назвал его областным центром. Дабы защитить «главный голос страны» от возможных насмешек, вождь распорядился образовать соответствующую административно-территориальную единицу.

Создавались и собственные художественные коллективы — в частности, Большой хор радио под руководством Александра Свешникова, Большой симфонический оркестр. Василий Качалов, Алиса Конон, Игорь Ильинский, Владимир Яхонтов и многие другие мастера художественного чтения подняли его на высоту, недоступную западным коллегам. Национальным открытием с огромным (до конца не реализованным) потенциалом стал Радиоуниверситет культуры, возникший в 1959 году.

Противоборство двух социальных систем вызывало невиданные прежде реалии и близкий им по смыслу юмор. «У него приемник «Грюндик», он его ночами крутит,

ловит, контра, ФРГ», — пел Владимир Высоцкий. Александр Галич импортной техники, как видно, некоторое время чурался: «...Недавно случилась история — я купил радиолу «Эстония». И в свободный часок на полчаса я прилег позависать классикой». А народным массам пришлось по душе феномен «армянского радио».

Несмотря на все эти пересмешки, жесткую цензуру, преобладающее количество передач в записи и выверенных худлитом текстов (в редакциях переименовали пословицу: «Слово не воробей, поймано — вылетит»), те, кто застал 1960–1970-е, вспоминают советское радио теплыми словами. Шедшие десятилетиями передачи становились добрыми друзьями для нескольких поколений. «Опять 25», «Клуб знаменитых капитанов», КОАПП («Комитет по охране авторских прав природы»), «В стране литературных героев», «Театр у микрофона», «Музыкальная шкатулка», «Радионяня» — все это золотой фонд отечественного радиовещания.

Ищите, ищите мой голос в эфире

Мы шли во многом своим путем. Здесь не было, как на Западе, своего «радио-арта» — экспериментов с коллажами из разных звуков, фраз и музыкальных отрывков. Не прижилось движение «mini-FM», практи-

кующее частное вещание на небольшой территории. Не проводилось и таких масштабных экспериментов с радиослушателями, какой в 1938-м провернули американские затейники в штате Нью-Джерси. Запустив в эфир пьесу по роману Уэллса «Война миров» — в форме репортажа с места событий, — они вызвали массовую панику. В результате пришлось гасить ее президенту США.

Люди, хоронившие радио в период расцвета телевидения, принципиально ошиблись. Оно не могло умереть хотя бы потому, что оставалось самым оперативным средством массовой информации. А еще являлось наиболее удобным, комфортным в быту видом масс-медиа: слушая его, можно вести автомобиль, заниматься, по сути, любым трудом.

Последнее «прости-поощай» оно, похоже, не собирает говорить и в эпоху тотальной цифры. Большинство онлайн-ресурсов радиовещания не уступают по своим возможностям FM-приемникам, качество звука вплотную приблизилось к уровню CD. Любой мало-мальски продвинутый пользователь может организовать в Сети собственную радиостанцию. Станет ли он (вспомним шутку Ильфа) от этого реально счастлив? Как знать.

В одном из наиболее пронзительных рассказов Брэдли «Будет ласковый дождь» последним «живым» после ядерного разрушения остается в доме репродуктор, сообщаящий без конца текущую дату.

Однако апокалиптические мотивы более всего уместны в фантастике. В реальности гораздо предпочтительнее философско-оптимистическое мироощущение Юрия Визбора, много сделавшего для романтизации радио. Он сумел выразить этот настрой в строчках красивой песни: «Ищите, ищите мой голос в эфире. / Немного охрипший, на то есть причины — / Ведь наши памирки стоят на Памире, / А мы чуть повыше, чем эти вершины».

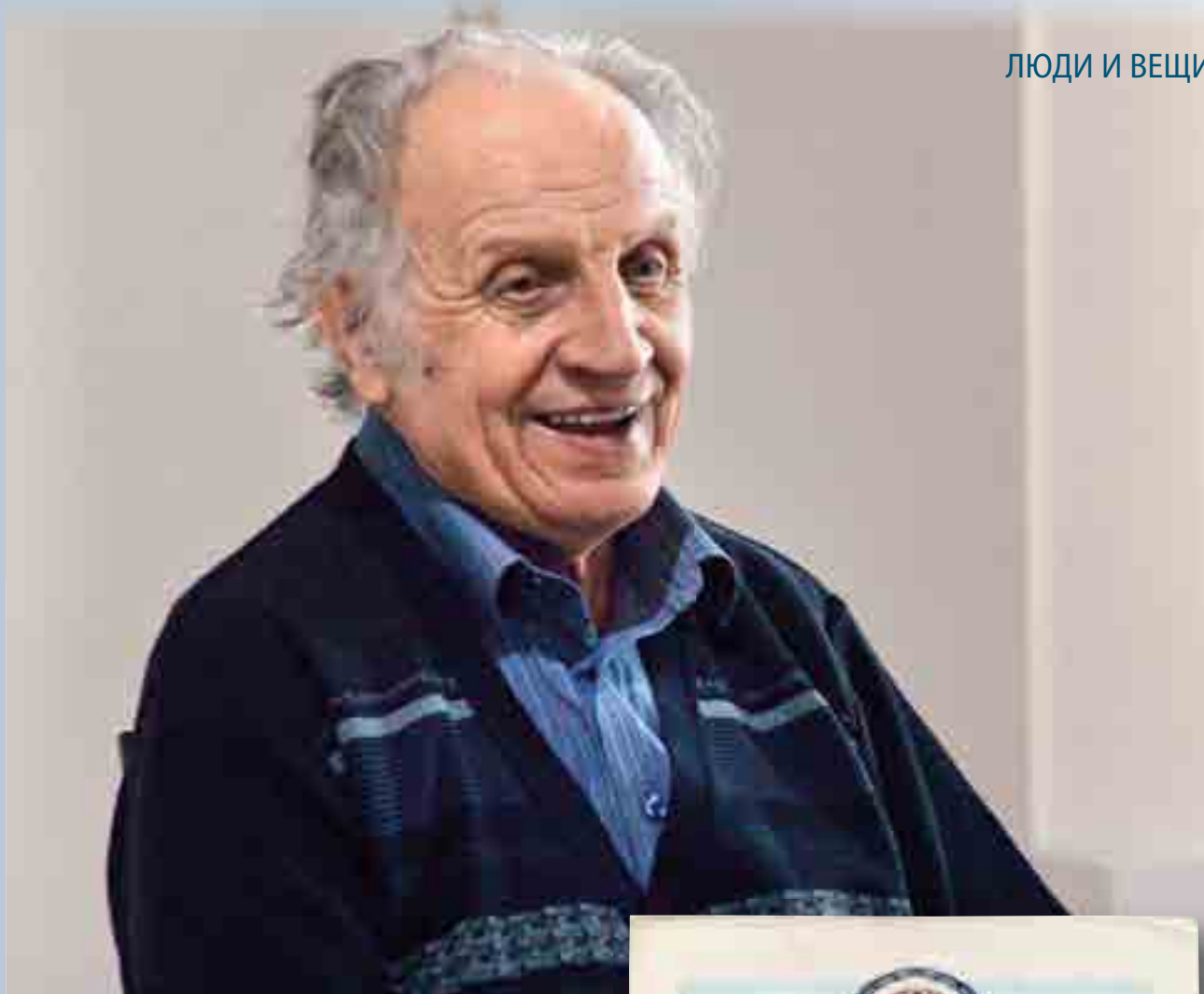
В начале был интеллектор

Елена Мачульская, Омск

Это устройство когда-то в корне изменило всю нашу жизнь, положило начало нынешней, информационной эпохе. Персональный компьютер, который давно уже не роскошь, а главное средство массовой коммуникации, был изобретен полвека назад. Причем легендарный Стив Джобс к этому ноу-хау никакого отношения не имел — тогда он был еще школьником. Первый в мире программируемый прибор, способный упростить для всех и каждого работу с большими массивами данных, создал в 1968 году не какой-то сверхталантливый американец, как принято считать, а советский конструктор из Омска Арсений Горохов.

СТРАННО, что этот факт очень редко упоминается в российской прессе. Если в годы «гласности» и «демократизации» — когда охаивать все отечественное было почти нормой, подобное замалчивание являлось частью политики «реформаторов», то сегодня о нашем прежнем (пусть и не до конца реализованном) научно-техническом и образовательном потенциале напоминать стоит все же почаще. Как и о тех, кто его, этот потенциал, олицетворял.

К главному в своей жизни изобретению Горохов, как выяснилось, шел с детства. Хотя сам он с такой формулировкой не вполне согласен:

— Не я шел — информация долгое время накапливалась. А затем — материализовалась. Изобретение, как я это вижу, рождается в общем-то самопроизвольно — тогда, когда наконец собирается воедино вся необходимая для него информационная основа, база...

Он родился в 1935 году в селе Ново-Уральское Омской области. В конце Великой Отечественной войны отца, агронома (в армию его не призвали по состоянию здоровья), отправили на Украину восстанавливать разрушенное гитлеровцами сельское хозяйство. Вслед за ним переехала и семья. Арсений вдоволь насмотрелся всевозможных механических диковин и технологических фокусов. Особенно впечатлил мальчика ехавший по дороге автомобиль без передних шин — покрышки мастерам удалось найти только на задние колеса: «И ничего — ездил, немалую пользу приносила».

— Я смотрел, как все это собирают, ремонтируют. Никому не мешал, хотя и не помогал — мал был слишком. Вопросов не задавал, чтобы прочь не гнали. Говорят, один мальчик так научился в шахматы играть — наблюдал за тем, как играют взрослые, ни у кого ни о чем не спрашивая. То же самое у меня произошло с техникой, — вспоминает Горохов.

Уже в пятом классе Арсений взялся починить арифмометр. Правда, вернуть его в рабочее состояние не смог, не нашлось нужных запчастей. А еще очень любил рисовать. Тогда в каждом доме висели на стенах отрывные календари с картинками. Последние были слишком маленькие, хотелось сделать их больше. Отец Анатолий Михайлович подсказал сыну: «Расчерти на листе большие квадраты и по ним перерисовывай свою картинку». То есть принцип системы координат будущий изобретатель усвоил с юных лет. Однако без цифр никакая точная система не может быть должным образом представлена, следовательно, знание математики тут выходит на первый план. Арсений неплохо решал задачи, особенно хитрые, где нужно учитывать разные условия, например, про бассейн с несколькими трубами.

Потом в техническом журнале ему встретилась другая математика, булева алгебра, которую еще называют «алгеброй логики». В общем, копилка знаний постепенно наполнялась. А жизнь текла своим чередом. После школы он собирался стать художником-оформителем. Затем пытался поступить в речное училище, но не прошел медкомиссию. В итоге по совету дяди оказался в техникуме железнодорожного транспорта. Учился хорошо, играл в свободное время в духовом оркестре.

После армии жаждущий новых знаний и свершений парень был принят на электромеханический факультет Московского заочного политеха, где занялся изучением систем регулирования и слежения.

В 1957 году Арсений Горохов трудоустроился на погрузочно-разгрузочное предприятие при Омском отделении железной дороги. Для разгрузки вагонов там использовали козловые краны, а у тех регулярно выходили из строя тормозные механизмы на тельферах (грузоподъемных устройствах). В результате, случалось, уже поднятый

контейнер сваливался обратно в вагон. Ремонтировать тормоз приходилось каждую неделю. Молодой специалист разобрался: все дело в шестеренке, которая очень быстро изнашивается. И предложил просто-напросто сделать ее толще. Так досадная проблема была решена раз и навсегда.

Чтобы быть поближе к современным технологиям, Арсений Анатолевич в 1962 году пришел в НИАТ — омский филиал московского НИИ авиационных технологий на территории завода им. Баранова — и был назначен начальником КБ вновь создававшегося отдела автоматики. А примерно через пять лет та самая информация, которая, по признанию Горохова, копилась у него с раннего детства, наконец принесла реальные плоды:

— Когда инженер воплощает свой замысел на бумаге, ему все равно, какие будут в создаваемом устройстве гайки. А вот потом начинается муторная работа, приходится отыскивать в толстых сборниках обозначения всех этих болтов-шайбочек-гаечек, требуемых для сборки спроектированного узла. Однажды я подумал: а что если сделать не бумажный справочник, а совсем другой, включающий в себя принципиально иной носитель информации? Нажмешь кнопку — и все 100 страниц, одна за другой, начнут

высвечиваться на экране. Возникнут перед глазами картинки деталей, а рядом — текст, который инженер сможет легко переписать и вывести на чертеж. Это устройство должно было облегчить не только труд конструкторов, но и весь производственный процесс. Ведь чертежи, созданные в КБ, в те времена приходилось переводить в формулы, а их набивали на перфокарты вручную. Ошибки в длиннющих цифровых рядах были неизбежны. К примеру, фрезерный станок, подключенный к ЭВМ, регулярно останавливался. С новой умной машиной можно было общаться без пачек перфокарт и бригады программистов.

Привычное для всех название «компьютер» Арсений Горохов считает неправильным, поскольку это слово является производным от английского глагола to compute, «вычислять». То есть перед нами — «вычислитель».

— Те, кто придумал наименование «компьютер», ориентировались на следующее обстоятельство: там блок с блоком общается с помощью цифр. Однако вычисления как таковые не производятся — просто находится по коду и высвечивается на экране нужная картинка. Собственное программируемое устройство я назвал «интеллектором»: его владельцу постоянно и

С. Джобс (слева) с коллегами. 1984

ФОТО: SAL VEBER/AP/TACC

ФОТО: PHOTOPRESS

напряженно думать уже не надо, машинный интеллект работает за человека.

В интеллекторе Горохова есть все составные части персонального компьютера: блок ввода данных (сегодняшняя клавиатура), блок графического отображения процесса (монитор), преобразователь — материнская плата, запоминающий блок — жесткий диск. Только привычная нам «мышка» отсутствует.

Это ноу-хау было поистине революционным. Но с получением официального документа на него получилась целая эпопея, растянувшаяся на пять лет.

— Авторское свидетельство мне долго выдавать не хотели: изобретение — пионерное, в мире не было подобной штуковины, — вспоминает конструктор.

Дальше получения авторского свидетельства № 383005 на прибор с замысловатым названием «Устройство для задания программы воспроизведения контура детали» дело, увы, не пошло.

— Мне сказали: пока в наших планах эта аппаратура не предусмотрена, — продолжает рассказ Горохов.

А ведь для того чтобы провозгласить СССР первой компьютерной

(или, согласно пожеланию изобретателя, «интеллекторной») державой, требовалось совсем немного. Все необходимые для сборки аппарата комплектующие наличествовали: «телевизоры, двухлучевые осциллографы, клавиатуры у пишущих машинок, магнитофоны, чтобы программы записывать». Но

не случилось, исторический момент был упущен.

А в 1975 году компания «Эппл» подарила миру «персональный компьютер». Причем главную идею американцы легко могли позаимствовать у Горохова. Общий чертеж и описание его высокотехнологичного детища были опубликованы в советском «Бюллетене изобретений, открытий и товарных знаков», а подобные издания в США переводили с особым тщанием.

Одновременно с интеллектором Арсений Анатольевич придумал и описал графопостроитель — такое устройство, уже под названием «плоттер», в конце 70-х стала выпускать компания Hewlett-Packard.

На данный момент у Горохова — 60 зарегистрированных изобретений. Он и сегодня стремится опередить время. Его очередной проект будто взят из научной фантастики — пятимерный носитель информации, который позволит разумнее использовать имеющиеся у страны и общества ресурсы. И в результате, например, оптимизировать работу общественно-городского транспорта.

В свои без малого 83 года Арсений Горохов продолжает трудиться над открытием всего нового и полезного — невзирая на то, что за рубежом его изобретения

приходятся ко двору, как правило, раньше, чем на родине. Потому что по-другому жить просто не может. По-прежнему надеется, что когда-нибудь и мы в России научимся вовремя внедрять и осваивать все то, что из века в век генерируют наши лучшие, потенциально сильнеешие на планете умы.

Стоп-кадр

ФОТО: РИА НОВОСТИ

«Они сражались за Родину». 1975

Георгиевские ленты

Николай Ирин

Имя этого артиста значится в титрах множества кинофильмов — рядом с указаниями на хороших и даже гениальных исполнителей, с которыми он убедительно, на равных, взаимодействовал. При этом его путь абсолютно уникален. Не типичны для данной среды и присущие ему мотивация, система ценностей, картина мира. Единственная (что тоже редкость для представителей богемы) жена Татьяна Ухарова сообщает: «Еще со школьных времен он готовил новое театральное движение. После встречи с Василием Макаровичем Шукшиным появилась другая формулировка — «новое культурное движение», которое должно было охватывать кино, литературу, школу кино и театра».

ТО ЕСТЬ изначально Георгий Бурков был одним из тех прекраснородных русских мальчиков, которым, по словам классика, непременно нужен весь мир. 31 мая со дня рождения удивительного и неповторимого артиста исполнится 85 лет.

Он появился на свет в рабоче-крестьянской семье, на восточной, российской, «окраине» континентальной Европы. Дядя по матери Виктор Гоголев — всего на четыре года старше, в детстве и юности Жора с ним дружил — окончив физкультурный техникум, подается в Москву, где выучивается на артиста. Таким образом, проблема главного выбора для молодого

Буркова окончательно отпадает. И по велению сердца, и по примеру родственника он раз за разом едет из Перми в столичные театральные школы. Однако его не берут.

Вообще, туда не принимают подавляющее большинство абитуриентов: перспективы заманчивые, конкурс гигантский. Многие смиряются и меняют вектор движения, ибо шансов понравиться приемной комиссии каждый новый прожитый год отнюдь не прибавляет. Георгий не проходит снова и снова и в результате поступает на юрфак

Пермского университета. Но уже после третьего курса принимает решение бросить учебу и непременно податься в артисты. К этому подталкивают и занятия в местной театральной студии. Сей судьбоносный момент он впоследствии объяснит так: «Без отца, который понял меня, поверил мне и, если хотите, содержал меня... я бы ничего не добился. Он был спонсором моего дерзкого и рискованного замысла».

«Спонсор», Иван Григорьевич, прошел путь от чернорабочего до главного механика знаменитой пермской «Мотовилихи» и, по все-му виду, хорошо зарабатывал. А значит, мог оказывать значительную материальную поддержку беспокойному отпрыску. Выдающийся актер Георгий Бурков, получается, в широчайшем смысле продукт народной самостоятельности: и сам по себе, еще школьником, проникся идеей артистического служения; и совместно с дадей — намечал в дальнейшем посвятить жизнь искусству; и с помощью прогрессивно мыслящего отца — получил воз-

можность «бороться и искать, найти и не сдаваться». У него не было актерского образования. Главных ролей в особо значимых кинокартинах ему не предлагали. Но он тем не менее вошел в пантеон деятелей русской культуры второй половины XX столетия.

Карьеру начинал в драматическом театре городка Березники. Здесь в условиях дефицита актеров-мужчин Бурков быстро проходит путь от исполнителя единственной реплики наподобие «кушать подано» до ведущего актера труппы.

Георгий Бурков

Набравшись опыта и получив некоторое признание, настойчивый самоучка возвращается в Пермь и завоевывает право считаться премьером областного драмтеатра. Конечно, в провинции те же страсти, амбиции, та же иерархическая лестница, что и в модных столичных сферах. В период весьма непростой адаптации

он оставляет на страницах дневника следующую запись: «Опять впереди три-четыре месяца тупой тоски. Наберись терпения, Жора. И юмора».

Наконец и пермская сцена покорена. Артист часто играет, много читает, внутри себя ведет неустанную работу. Думал ли Бурков, что региональная известность — его потолок? Устраивало ли подобное положение вещей? Все-таки для любого актера важна перспектива, интересны новые вызовы. Провинциальные подмостки, при всем к ним уважении, не самая лучшая база для экспериментов, зато они пригодны для того, чтобы поддерживать и культивировать некий усредненный стандарт.

Далее случается форменное чудо, происходит резкий поворот в судь-

бе. Столичный театровед с изумлением обнаруживает в Предуралье актера редкой индивидуальности и, кажется, неограниченной глубины, рассказывает о нем главному режиссеру Московского драматического театра им. К.С. Станиславского Борису Львову-Анохину. Тот во время гастролей в Перми отсматривает спектакли с Бурковым и делает ему сильное предложение — переехать в Москву и влиться в его труппу. Георгий Иванович появляется в столице в конце 1964-го. Ему идет 32-й год, и его жизнь начинается заново. Показательны дневниковые откровения: «Я изворотлив, и моя цель — продержаться... Чувствую себя млекопитающим среди ихтиозавров». Он меняет удареение в собственной фамилии — с первого слога на второй. Без постоянного жилья, верных друзей, любящих родственников и достаточного количества денег начинает этап, обещающий стать совершенно не похожим на предыдущий.

Ему остается жить четверть века с небольшим. Годы, которые прославят его на всю страну и многие десятилетия вперед, все же имеют своим фундаментом предшествующие стадии, то время, когда актер формировался как личность и начинался как художник. К новому месту самореализации, киноплощадке, он словно подтаскивает собственный психотип и общую для них с народом ментальность. Как и Шукшин, — с ним Георгий Иванович ненадолго, но крепко сдружился, — генерирует эмоциональный ступор реальности как таковой. Многие «технические» актеры любят изображать не свойственные им психические черты и типы характера. Бурков, похоже, не понимает и не желает понимать игры такого рода. Даром что ли он много лет набирался терпения вкупе с опытом, включавшим, как ни крути, обидную для взрослого мужчины зависимость от великодушного отца. Ждал, присматривался, дышал воздухом рутинной повседне-

ности, выходит, единственно для того, чтобы отныне транслировать заповеданные знания, смыслы — непосредственно, напрямую.

Снимавший его в 1969 году в своей короткометражке «Предложение» Сергей Соловьев говорил об этом так: «В нем и Шукшине не было ничего актерского. Они ничего не играли, они как бы примеряли весь белый свет на себя». Знаменитый театральный драматург Михаил Рошин в свою очередь заметил: «Бурков все время наблюдал за собою». Сам же артист признавал-

«Старики-разбойники». 1972

«О бедном гусаре замолвите слово». 1981

ся: «Я никогда не играю людей исключительных, напротив, беру как бы человека из толпы и показываю, чем он интересен. Не люблю, когда герой или актер возвышается над зрителями». Очень точно высказался на сей счет Львов-Анохин: «Он удивительно передавал достоинство униженного, величие жалкого человека. Его мужественное сочувствие к слабому — это традиция русского театра, одна из лучших его традиций».

Наиболее эффектно и эффективно метод Буркова работает там, где проstack, «человек из толпы» показан в режиме гротеска да еще и с обертонатами юродства. Так, наверное, работал над своими персонажами великий автор «Записок из подполья», словно

выворачивавший невзрачного человечка наизнанку, предъявляя космическую глубину его психологического нутра.

Эту особенность парадоксально использовал в картине «Подранки» (1976) Николай Губенко. Манифестацию неприятия Достоевского он вложил в уста уголовника-рецидивиста Сергея Погарцева, чью маленькую по метражу роль исполнил Бурков. Получилось нечто грандиозное: осужденный и тем самым как бы раскрытый, разгаданный подпольный человек нарочито юродствует, кривляется, юлит, пряча свою глубинную сущность и от собеседника, и даже от себя самого. Во всех своих откровенно комедийных ролях Георгий Иванович выходит за рамки веселого жанра, демонстри-

руя человеческую двойственность, противоречивость. Его персонажи исполнены как раз в духе творчества Достоевского: им свойственны — в качестве маркеров предельно тонкой натуры — непереносимые раздражительность, капризность, мнительность. Гениально сыгранный в «Печках-лавочках» (1972) вор — «весь на нервах», зачем-то исповедуется простоватому во всех отношениях случайному попутчику, обнаруживая за «невыносимой легкостью» воровского бытия типичную, в сущности, обывательскую встревоженность. Будто непрерывно боится, что его хрупкая, нежная душа — дзы-ын-нь — лопнет, подобно натянутой струне. Вот что на самом деле творит Бурков — снимает с повестки дня внешние, социально-психологические различия, находит и предъявляет изначальную, метафизическую общность людей. Всю свою сознательную жизнь он много читал, предпочитая встречу с хорошей книгой необязательному общению со случайными людьми, что свидетельствует не столько о компенсаторном усилии недоучившегося провинциала, сколько о высоком жизнестроительном порыве несуетного мудреца, занятого глубоким внутренним поиском.

Его, на первый взгляд непроработанная, речевая манера поразительным образом работает в пользу артиста: иллюзия «каши во рту» (ее, кстати говоря, полностью вычищают в театральных институтах)

придает героям Буркова не просто качество достоверности «людей с улицы», но одновременно сигнализирует о том, что эти персонажи натуральное, внутренне присущее поднимают над привнесенным извне. Таков — пусть даже схематично прописанный — следователь Федор Федорович Федяев из рязановских «Стариков-разбойников» (1971). Исполнитель превращает пародийного сыщика в супермена. По сюжету в городке, где происходит действие картины, ничего экстраординарного не случается, поэтому герою Юрия Никулина все никак не удается доказать собственную профпригодность. Однако Федяев вечно ходит израненный и забинтованный, комментируя свое физическое состояние коронной репликой «Ерунда, бандитская пуля». Этот «парадокс» воспринимаешь как должное только потому, что Бурков наделяет комического по замыслу следователя собственностью, в хорошем смысле, одержимостью. Его эпизодический персонаж отсылает ко всем тем беззаветным мученикам идеи, которые ставили и ставят служение идеалу несопоставимо выше шкурных интересов.

Ослепительное мастерство Георгия Ивановича проявлялось еще и в умении выразить пластический, а тем более речевой жест так, что тот

навсегда впечатывался в подкорку зрительской аудитории. Кроме «бандитской пули», это и заклинание Пети из «Зигзага удачи» (1968) «Зато потом будет, что вспомнить», и «Потому что я никогда не пьянею» из «Иронии судьбы...» (1975), и «Вы работники умственного труда, ну, и мы тоже» из «Служебного романа» (1977), и «Я за машину родину продал» из «Гаража» (1979)...

Он был фантастическим рассказчиком. «Я с большой диафрагмой с ним расставался», — вспоминал знающий толк в свободной русской речи, а равно в смеховой стихии Лев Дуров. Чтобы понять, насколько эта особенность натуры

Буркова соизмерима с его экранными достижениями, достаточно посмотреть фрагменты, к счастью, сохранившихся бесед с товарищами по цеху или журналистами. Там он — акын, могучий сказитель, сразу и бесповоротно пленяющий зрителя «мелочишкой суффиксов и флексий», волшебными интонационными сдвигами, тонкой и умной работой с ритмом.

«Когда его не приняли в театральный, — рассказывает Татьяна Ухарова, — он не обиделся, не отчаялся, продолжал заниматься самообразованием». «Не обиделся, не отчаялся» — пожалуй, наилучшая характеристика личности в любой

«Ирония судьбы, или С легким паром!». 1975

«Гараж». 1980

жизненной ситуации. Навсегда врежется в память реплика великолепно сыгранного рядового Копытовского из фильма Сергея Бондарчука «Они сражались за Родину» (1975): «Мне жить остались самые пустяки, только до Дона. Я перед смертью должен высказаться». Полнота мовыражения на довольно скромном по драматургическим меркам материале вызывает изумление. Человек, в сущности, устной культуры, сказитель и фантазер из гущи народной, единолично заполнил в истории XX века артистическую нишу, истинное значение которой нам осмыслить, похоже, еще предстоит.

«ЖУРАВЛИ ЛЕЯТ», 1891

Хорошее отношение к собакам и лошадям

Ксения Воротынцева

В русской живописи остается немало белых пятен: забытых имен, потерянных картин, невыясненных судеб. Картины Алексея Степанова, творившего на рубеже XIX–XX веков, не обладали притягательностью произведений Михаила Врубеля или лиричностью полотен Исаака Левитана. Пейзажи Степанова отличала особая неяркая красота, которая, впрочем, привлекала и зрителей, и коллег. Сам он оказался слишком скромным, даже запретил писать о себе монографию. Хотя должен был войти в историю прежде всего как выдающийся анималист. В мае отмечается 160-летие со дня рождения мастера.

ЗНАМЕНИТЫЙ живописец Павел Корин, отзывался о его работах: «Словно я Пушкина стихи прочитал. Вот так же просто; просто, а высоко». Степанов действительно избегал вычурности, не только в работе, но и в обычной жизни. Он был, как писала советский искусствовед Ольга Лаврова, спокойным и ласковым к людям. Художник Михаил Нестеров вспоминал о товарище: «Алексея Степановича Степанова, нашего «Степochку», мы все любили. Да и как было его не любить! Я совершенно уверен, что на всем белом свете не нашлось бы такого свирепого человеконенавистника, который ни с того ни с сего,

«за здорово живешь», невзлюбил бы Алексея Степановича».

Почти не сохранилось писем художника, так что его внутренний мир так и остается загадкой. Вероятно, из-за излишней скромности отечественный мастер не ставил дат на картинах, о времени создания часто догадываются по косвенным признакам. Многие его произведения канули в Лету, о них напоминают лишь черно-белые фотографии. В частности, до нас не дошли ранние работы, которые могли бы познакомить со становлением живописца. Уроженец Севастополя, он рано остался один, учился сначала в Институте обер-офицерских сирот, потом в 1-й мужской гимназии, а затем — в Константиновском межевом институте.

Пропали и другие важные свидетельства — оригиналы примерно ста рисунков, созданных Степановым для журнала «Природа и охота». Сотрудничество началось в 1883-м. В ту пору молодой художник, «оттрубив» три года вольно-

«ПРИЕЗДУ УЧИТЕЛЬНИЦЫ», 1889

А. Степанов

слушателем, поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. По предположению Лавровой, студента в издание мог привести Илларион Прянишников, преподаватель училища, а также один из основателей Товарищества передвижных выставок. Статьи для журнала писали охотники-любители. От художников требовалась невероятная точность в воспроизведении облика животных. Это стало для Степанова хорошей школой. Главным образом он опирался на натурные наблюдения, порой сопряженные с риском для жизни. Впоследствии мастер также предпочитал собственные впечатления: уже в зрелые годы он зарисовал волка, переплывающего реку, и даже волчью свадьбу. До Степанова животные нередко занимали на картинах подчиненное положение: он же сделал их полноценными героями, как, например, в работе «Лоси едят сено зимой», показанной на XVII выставке Товарищества передвижников. Эта вещь вместе с произведениями «Гоп! Гоп!» и «Журавли летят» позволила живописцу вступить в ряды Товарищества.

Впрочем, любимыми животными художника были лошади и собаки:

«ЛОШАДКА», 1900-Е

ВЕЛИКИЕ РЕАЛИСТЫ

«КОРОВЫ НА ВОДОПЬЕ», 1908

он знал их повадки до тонкостей, часто охотился, посещал скачки. Валентин Серов говорил: «Лошадки, собачки, это уже надо Степанову отдать, это уж его дело, это уж он лучше всех умеет». В 1889 году, по настоянию Серова, Алексея Степановича позвали преподавать в родное училище: он возглавил класс анималистической живописи. Корин признавался: «Все мы знали его, все любили. Ходили мы к нему в мастерскую, класс животных она называлась. Сергей Васильевич Герасимов, Иогансон, Борис Яковлев... И я ходил. И так у него уютно было, так хорошо было. То ослик у него, то лошадка позирует, то орел. Любил он зверя». Другой живописец, Борис Яковлев, вспоминал: «Бывало, приведет с улицы чужую собаку и начинает с ней говорить на каком-то своем языке, а она его слушает. Милое свое, необыкновенное свое слово о любви к животным сказал в русской живописи Степанов».

В мастерской постоянно жили «модели» — зайцы, петухи, собаки, были даже павлин и маленький пони. Один из учеников рассказывал: «Натура — лошадка — так была очаровательна своей милой внешностью, мохнатой шерстью, мохнатенькими ножками, подстриженной гривой

«ПОРТРЕТ МЕДЫНЦЕВА», 1895–1896

«В ЛОДКЕ», 1910

и особо выразительными глубокими карими глазами. Где достал такое чудо Алексей Степанович, я не знаю, но эта лошадка до того запала мне в душу, что даже сделалось и грустно... Грустно потому, что я не ожидал видеть такое милое животное, не ожидал, что оно могло производить такое глубокое, чарующее «человеческое впечатление».

Картины художника отличала особая гуманистическая интонация. Например, работа «Лось и лайки» (1916), где изображены собаки, преследующие дикое животное. Красота снежного леса лишь подчеркивает неминуемость смерти, ее несправедливость. Вот как описывает это произведение Лаврова: «Сейчас в мирное царство природы придет смерть. И чем прекраснее эта картина, прекрасней по своим формальным качествам, по сочетанию коричневого с белым, по выразительности силуэта животного, по хрупкой свежести инея на деревьях, тем трагичней звучит лейтмотив картины — гибель мирной красоты леса, гибель прекрасного кроткого животного».

Надо сказать, Степанов нередко изображал именно зиму: та же Лаврова называет его мастером снега. Он виртуозно сочетал всевозможные оттенки белого, как, например,

«ХОРОВОДИ» РАЧЕЕ 1923

в работе «Занесло» (1911–1912). Один из студентов вспоминал: «В классе он иногда нам рисовал сам. Ученице Котовой на краю этюда написал лисичку с натуры, она тут же у нас сидела на окне; мне написал однажды гуся, я этого гуся храню и люблюсь, особенно тем, как тонко он брал тон. У гуся шейка взята совсем почти одним цветом с фоном, все тем же белым, а какая разница. «Цветом писать легко, — говорил Степанов, — а вот ты попробуй белым по белому написать — вот это мастерство!..»

Алексей Степанович путешествовал, выезжал за границу, был

«ЗА РАБОТОЙ». 1895

знаком с картинами французских импрессионистов, но при этом сумел сохранить самобытность. В 1903 году он стал одним из учредителей Союза русских художников, среди основателей которого числился также его друг Абрам Архипов. В творчестве Степанова особое место занимала крестьянская тема, любимая московскими авторами — в отличие от рафинированных петербуржцев, членов объединения «Мир искусства», предпочитавших «высокую культуру». Но главным жанром для него оставалась анималистика. Чехов говорил о близости по-

«УТРЕННИЙ ПРИВЕТ», 1897

добных изображений животных к миру детских представлений. Кстати, они со Степановым одно время были очень дружны. Познакомились в 1880-е через брата прозаика, Николая: художник быстро вошел в круг чеховской семьи. Согласно одному из писем Антона Павловича, живописец оформлял «Каштанку» или, по крайней мере, создал обложку, однако местонахождение работ до сих пор неизвестно. К сожалению, затем произошел разлад. Алексей Степанович близко общался с Исааком Левитаном (даже создал драматичный карандашный портрет), а также с его возлюбленной Софьей Кувшинниковой. Известно, что желчный Чехов вывел пару в рассказе «Попрыгунья». Степанов также попал на страницы в образе доктора Коростелева: «маленького стриженного человечка с помятым лицом, который, когда разговаривал, то от смущения расстегивал все пуговицы своего пиджака и опять их застегивал и потом начинал правой рукой щипать свой левый ус».

«ЛОШАДЬ», 1910-Е

Из-за этого текста прозаик разругался со многими мэтрами, включая Левитана, с которым, правда, впоследствии удалось достичь хрупкого мира. Кувшинникова тоже сумела сохранить с Чеховым приятельские отношения. А вот тишайший Алексей Степанов жестоких строк не простил. Вполне вероятно, обиделся не только за

себя. Художник остро чувствовал несправедливость и, скорее всего, не смог стерпеть грубые насмешки над своими друзьями.

Деликатность, доброта, поэтическое восприятие природы, сочувственное отношение к братьям меньшим — все это наложило особый отпечаток на творчество Степанова. О личности этого мастера, не просто тонкого колориста, но и настоящего философа, хорошо написал живописец Василий Бакшеев: «Вспоминается мне чудесный вечер, тихий, теплый. С художником Алексеем Степановичем Степановым, страстным охотником, шли мы на тягу. Надо было заранее выбрать местечко поудобнее, и я поторапливал его. Но он остановился на лесной поляне, раскинул широко руки, будто хотел обнять весь мир, всю красоту, которая нас окружала, и сказал тихо и грустно: «Вот, не будет нас с тобой, а все, что мы видим, останется навсегда таким же невыразимо прекрасным. Вот с чем жалко расставаться будет...»

ЭПОД. 1894

«Качели». 1910-Е

Караси по Чехову

Максим Сырников

«Из рыб безгласных самая лучшая — это жареный карась в сметане; только, чтобы он не пах тиной и имел тонкость...» — делился своими познаниями чеховский персонаж.

ЭТО БЛЮДО, несмотря на его простоту и незамысловатость, — украшение нашей национальной кухни. Изначально карась — не самая утонченная в гастрономическом смысле рыба. Однако правильное приготовление позволяет выявить все его лучшие вкусовые свойства, нейтрализовать запах тины, с которой в рассказе «Сирена» предупреждал герой Чехова.

Кушанье превосходно и в качестве горячей закуски, и в холодном виде (через несколько часов в холодильнике подлива загустеет, получится этакое заливное с привкусом топленой сметаны).

Как и к любым подобным рыбным яствам, к «карасям в сметане» уместен свежий хрен.

- * Караси — 1 кг
- * Сметана 20% — 1 стакан
- * Молоко — 1 стакан
- * Топленое масло — 4–5 ложек
- * Укроп
- * Чеснок
- * Луковица
- В Соль
- * Черный перец

Карасей почистить и выпотрошить, обмазать со всех сторон растопленным маслом, посолить и поперчить.

В латку, чугунок или сотейник уложить подготовленную рыбу и нарезанный тонкими колечками лук. Отправить без крышки в духовку. Выпекать при температуре 180°C до подрумянивания.

Сметану смешать с молоком или сливками, посолить, добавить по вкусу измельченного чеснока, залить карасей и еще выдержать в духовке до загустения подливы. При подаче посыпать рубленой зеленью укропа.

ФОТОГРАФИИ: PHOTOPRESS

А. СТЕПАНОВ. «ВЕГА — ОХОТНИЦА» СОБАКА ХУДОЖНИКА». 1906

Своя

МАЙ 2018

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Барщины